Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород, Троицкий раскоп

© 2025

Алексей Алексеевич Гиппиус

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья содержит предварительную публикацию 30 берестяных грамот XII–XIV вв., найденных в археологическом сезоне 2024 г. на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Подавляющее большинство публикуемых текстов датируются XII в. В историческом и филологическом отношении выделяются: письмо с упоминанием военного похода и связанных с ним переговоров с князем (№ 1186), письмо о судебном деле с упоминанием ордалий — испытания водой (№ 1187), записка с проклятием «удавись» (№ 1189), женское письмо личного содержания (№ 1229), азбука в необычном оформлении (№ 1183), комплект из семи «ярлычков» с именами (№ 1201), бирка со словом *розметъ*, грамота, идентичная грамоте № 1135 и написанная тем же почерком (№ 1212). Особый лингвистический интерес представляют: контаминированная парадигма слова, обозначающего рыбьи потроха, — *черевье* (И. ед.) / *черевьѣ* (И. мн.), *черевьѧхъ* (Мест. мн.) (№ 1173), древнейший пример флексии И. мн. *-ѣ* в мягком варианте *о*-склонения (№ 1186), два разных знака для передачи [’o] (№ 1201), особые формы косвенных падежей личного местоимения 1-го лица (№ 1229), древнейшие фиксации слов *вощага*, *гумьница*, *жукъ*, *тата*; состав азбук (№ 1183, 1195), новые этикетные формулы (№ 1210, 1211), новые антропонимы: *Вадогость*, *Горѣнъ*, *Воиханъ* и др.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. Внестратиграфические датировки получены Д. С. Крыловым за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00862, https://rscf.ru/project/25-18-00862/). Автор благодарит Д. В. Сичинаву, Д. С. Крылова и анонимного рецензента за высказанные замечания, учтенные при доработке статьи.

Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород, Троицкий раскоп. *Вопросы языкознания*, 2025, 4: 7–41.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.4.7-41

Birchbark letters from the excavations of 2024. I. Veliky Novgorod, Troitsky excavation site

Aleksey A. Gippius

HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: This article contains a preliminary publication of 30 birchbark letters found during the 2024 archaeological season at the Troitsky excavation in Veliky Novgorod. The vast majority of the published texts date back to the 12th century. Most important in historical and philological terms are the following items: a letter mentioning a military campaign and related negotiations with the prince (No. 1186); a letter about a court case mentioning an ordeal, namely, a water test (No. 1187); a woman’s letter of personal content, filled with emotional figurative language (No. 1229); a note with the curse “hang yourself” (No. 1189); an alphabet with an unusual design (No. 1183); a set of seven ‘labels’ with names (1201), a tag with the word *rozmetъ* ‘fee schedule’, identical to letter No. 1135 and written

in the same hand (No. 1212). Of special linguistic interest are: the contaminated paradigm of the word for fish guts — *čerevьe* (Nom. sg.) / *čerevьja* (Nom. pl.), *čerevьjaxъ* (Loc. pl.) (No. 1173), the oldest example of the Nom. pl. ending *-ě* in the soft variant of the *o*-declension (No. 1186); two different symbols for [ʼo] (No. 1201), unusual forms of Gen. and Dat. of the first-person personal pronoun (No. 1229), the earliest fixations of the words *voščaga*, *gumnica*, *žukъ*, *tata*; the composition of alphabets (No. 1183, 1195); new etiquette formulas (Nos. 1210, 1211), and new anthroponyms: *Vadogostь*, *Gorěnъ*, *Voixanъ*, etc.

Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa

Acknowledgements: This study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University in 2025. Non-stratigraphic datings were obtained by D. S. Krylov with the support from the Russian Science Foundation (project No. 25-18-00862, https://rscf.ru/en/project/25-18-00862/). The author thanks D. V. Sitchinava, D. S. Krylov, and an anonymous reviewer for their comments, which were taken into account in finalizing the article.

For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from the excavations of 2024. I. Veliky Novgorod, Troitsky excavation site. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 4: 7–41.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.4.7-41

Новгородский археологический сезон 2024 г. стал по количеству найденных берестяных грамот одним из самых результативных за всю историю раскопок, принеся 57 новых текстов. Из них 41 грамота была найдена на Троицком XVII раскопе[1] и еще 16 — на четырех раскопах в разных кварталах Новгорода, на территории древних Людина, Неревского и Славенского концов. Обилие материала заставляет разделить его изложение на две части. Первая статья целиком посвящена грамотам Троицкого раскопа; во второй будут опубликованы и прокомментированы остальные новгородские находки, а также грамота № 59, найденная в Старой Руссе.

В связи с начинающимся строительством Археологического центра им. акад. В. Л. Янина работы на Троицком XVII раскопе необходимо было завершить в сжатые сроки. По этой причине исследования велись совместно научными коллективами, представлявшими четыре организации: МГУ им. М. В. Ломоносова (руководитель работ В. К. Сингх), Институт археологии РАН (руководитель работ Н. Н. Фараджева), Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (руководитель работ Е. В. Торопова), Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгорода Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (руководитель работ О. А. Тарабардина). Раскоп был разделен на две части. В северной части, где работы были начаты в предыдущем сезоне, были исследованы напластования X–XII вв., в южной части — напластования X–XV вв. Из найденных грамот 3 предварительно датируются XIII–XIV вв., 36 — XII в., 1 — концом XI в.

В настоящую публикацию входят 29 из 41 грамоты, остальные представляют собой незначительные фрагменты. Принципы записи и комментирования текста такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД$_2$: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1173. Документ с небольшими утратами на двух сторонах берестяного листа. Грамота была собрана из нескольких десятков фрагментов, рассыпанных двумя порциями на территории усадьбы.

С наиболее надежными конъектурами текст читается так:

(оу) -м--ѧ цєрєвьє :~ оу братогости (цєрє)[в]иє :~ нѧ [с]трѣ----є и̑ : [ц](єрєв)--
оу м[ир]--- вѣ̑ цєрьвиє :~ нѧ [г](ѧ)[ри] : довоє (цєрєв)иє :~ оу вадогощ- вѣ̑ цєрєви[є]
оу ставⷪ(ра цєрє)виє :~ [з]ѧ моχъмъ вѣ̑ [цєрє]виє :~ оу милоцѧ вѣ̑ цєрь[ви]є :~
оу лѣс(ѧ) -- (цєрє)рєвиє :~ нѧ горь нѧ троиχ[ъ ц]ерьвиѧχъ оу борилѣ вѣ̑ :~

[1] Включая фрагмент, найденный в шурфе рядом с раскопом (№ 1228).

На обороте:

(оу) --[д]ѣ̀ни(цѧ н)огатъ :~ оу ст----овица г̀: рѣзанѣ .:. оу хотѧ[т]- це[р](евие)
(оу оз)ера на ц[ерьви]ахъ :~ оу сестр[а](тини)ць :д̀: це[ревие п]о вежь :~ оу мижѧ-- (ц)ерєвие :
(оу) --жьковєє церьвие :~

Более гипотетические реконструкции: на [с]трѣ[н](ьс)[к]є, (оу жѧ)дѣ̀ница, оу ст(а᷄нил)овица, (оу нѣ̀)жьковєє.

Во 2-й строке исход словоформы, которая должна была бы заканчиваться на ‹*-гощѣе*›, неясен: возможно, *е* было вписано поверх *ѣ*.

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1100–1210-е гг., предпочтительно XII в.

Перевод (с учетом реконструкций): ‘У Дмака (?) черевье, у Братогостя черевье, на Стреньске (?) 8 черевий, у Миряты (?) два черевья, на гари два черевья, у жены (или вдовы) Вадогостя 2 черевья, у Ставра черевье, за мхом 2 черевья, у Милоча 2 черевья, у леса 2 (?) черевья, на горе у Борилы из трех черевьев два, у Обиденича (?) ногата, у Станиловича 3 резаны, у Хотяты черевье. У озера в рыболовецком стане [взято] черевий: у Сестрятиничей 4 черевья, у Михаля черевье, у Нежковой жены (вдовы) черевье’.

Грамота представляет собой реестр специализированного продуктового сбора. Его единственным объектом являются «черевья». В берестяных грамотах это слово встретилось уже несколько раз (№ 219, 893, 926), обозначая рыбьи внутренности — икру, молоки [ДНД$_2$: 225] или, например, печень налима; по всей вероятности, здесь оно выступает в том же значении. По-видимому, в качестве единицы сбора использовался какой-то фиксированный объем засоленных или замороженных рыбьих потрохов. В двух случаях черевья замещаются близкими по величине денежными суммами — ногатой и тремя резанами (по счету Русской правды 1 ногата равна 2,5 резанам). Еще в двух случаях отмечено, что взята только часть условленного количества черевий — два из трех (у Борилы «на горе») и шесть (в сумме) «у озера».

В качестве топографических указаний выступают довольно разнообразные элементы ландшафта: «на гари», «за мхом», «у леса», «на горе», «у озера». Сочетание *за мхом* ранее встретилось в грамоте № 1146 и было трактовано как топоним; позже оно же было идентифицировано Д. В. Сичинавой [2023: 221] в грамоте № 539. В свете комментируемой грамоты в нем следует видеть не название, а ландшафтный ориентир, локализующий, как и ему подобные, отдельные хутора из одного хозяйства. Слово *вѣжа* в сочетании *по вежь* обозначает, по-видимому, место расположения рыболовной артели; ср. термин *вежники* 550, 644 (2 пол. XII в.) [Анкудинов 2014]. Единственный топоним, неясного происхождения, можно предполагать в реконструируемом *на* [*С*]*трѣ*[*н*](*ьс*)[*к*]*е*; ср. название деревни *Стрѣнке* в Турском погосте Шелонской пятины [НПК, IV: 53].

Интересна антропонимия грамоты. Имя *Вадогость* встретилось впервые, к нему явно восходят топонимы *Вагоща*, *Вагошка*, которые В. Л. Васильев [2012: 162] возводит к *Воигость*. Представленная патронимом *Сестрѧтиничь* гипокористика *Сестрѧта* должна быть сопоставлена с именем *Сестрата* в грамоте Ст. Р. 36 (сер. XII в.). Последнее трактовано в издании как женское прозвище от незасвидетельствованного прилагательного **сестратыи* (по типу *мужатыи*, *женатыи*). Скорее, однако, и в старорусской грамоте фигурирует *Сестрѧта*, но с невыраженной мягкостью или отвердением *р*’ (ср. *трасавиче* 715 [XIII в.]). По всей вероятности, это гипокористика от имени типа *Сестронѣгъ* (ср. в той же грамоте Ст. Р. 36: *оу Братонѣга*)[2].

[2] О других свидетельствах этого антропонимического гнезда см. [Гиппиус, Михеев 2019: 53–54] в связи с реконструкцией отчества *Сестрѧтиничь* в надписи из лестничной башни Софии Новгородской.

Значительный интерес представляет морфологическое оформление слова *черевье.* До сих пор в берестяных грамотах это слово фиксировалось в формах И.-В. ед. *чьревие* 893 (2 четв. — сер. XII в.) и М. мн. *чьрьвьѧхъ* 219 (кон. XII — 1 четв. XIII в.), а также однозначно не определяемом *ѡ черевии* (М. ед. или Р. мн.) 926 (2 пол. XII в.). В аналогичном соотношении находятся словоформы *черево* 403 (2 пол. XIVв.) и *на черевахо* 349 (2 пол. XIII в.). Включая этот материал в более широкий морфологический контекст, А. А. Зализняк [ДНД$_1$: 94–95] сначала предполагал существование особой субпарадигмы множественного числа с соотношением флексий И. *-а* — М. *-ахъ*. Иную интерпретацию словоформ М. мн. *чьрьвьѧхъ* и *черевахо* предложил В. Б. Крысько [2000: 243–247], трактовавший их как этимологически правильные формы слов женского рода *черева*, *черевьѧ*. Резюмируя сложившееся положение дел, А. А. Зализняк писал: «Имеются, таким образом, следующие возможности: а) *черевьяхъ* — М. мн. от *черевьє*, самый ранний пример проникновения окончания *-ахъ* в склонение *о*-neutra; б) это правильный М. мн. от незасвидетельствованного варианта *черевьꙗ* (жен. рода). Вопрос был бы решен, если бы в берестяных грамотах встретилась словоформа И.-В. мн.: *черевьꙗ* в случае “а”, *черевьѣ* в случае “б”. В ожидании такой находки от решительного выбора здесь уместнее воздержаться» [ДНД$_2$: 112].

Грамота № 1173, помимо ранее встреченных форм И. ед. ‹*черевье*› (3×, считая только абсолютно надежные примеры) и М. мн. *на ц*[*ерьви*]*ѧхъ*, *на троих*[*ъ ц*]*ерьвиѧхъ*, содержит следующие формы проблемного слова: *довое* (*черев*)*ие*, *в͡е церьвие* (и еще три аналогичных примера), *д͡о це*[*ревие*]. Последняя словоформа, идентифицируемая, несмотря на утраты, с полной надежностью, дает искомый пример И. мн., разрешающий сформулированную альтернативу в пользу трактовки В. Б. Крысько: перед нами, несомненно, форма И. мн. ‹черевьѣ› от слова *черевьѧ* женского рода. Судя по тому, что в полной записи в грамоте представлены только собирательные числительные *довое* и *на троихъ*, они же стоят и за цифрами; соответственно, *д͡о це*[*ревие*] следует читать как ‹*четверѣ черевьѣ*›, а *в͡е церьвие* — как ‹*дъвоѣ черевьѣ*›. В последнем сочетании следует видеть либо этимологически правильные формы И. мн., либо инновационные формы И. дв. (об употреблении собирательных числительных в дв. числе см. [Крысько 2020]), возникшие под влиянием твердого варианта склонения и до сих пор не встречавшиеся.

Замечательно, однако, что формы множественного числа *а*-основы *черевьѧ* сочетаются в грамоте с И. ед. *черевье*. Перед нами, таким образом, контаминированная парадигма, в которой формы двух вариантов лексемы — среднего и женского рода — находятся в дополнительном распределении: первые обслуживают единственное число, вторые — множественное (и, возможно, двойственное). Природа этой контаминации может корениться в происхождении варианта женского рода *черевья* от переосмысленной формы И. мн. существительного среднего рода (ср. такое объяснение для серб. *crȅva* в [SPS, 2: 170], упоминаемое в [Крысько 2000: 247]). Аналогичным образом, заметим, произошло и слово *моло́ка* ‘семенные железы рыб’, ближайшим образом связанное с *черевье*/*черевья*.

С другой стороны, как отмечено анонимным рецензентом, параллелью к *а*-основе *черевья* могут служить засвидетельствованные в старославянских и русских церковнославянских памятниках формы мн. числа от основы ж. р. *дрождиа* [ССЯ, I: 517; Срезневский, I: 725], см. также примеры в [НКРЯ].

№ 1175. Фрагмент письма, сохранились средние части первых двух строк.

… **жирославѧ къ татѣ и къ матъкѣ** …
…**ти** [**присъли**]**т**(ѧ) …

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.
Внестратиграфическая оценка: 1140–1190-е гг.
Перевод: ‘От Жиславы к тяте и к матушке. … Пришлите …’.

Жиславъ является также автором письма № 1202, написанного тем же почерком. Тот же Жиславъ, скорее всего, упоминается в грамотах № 573 и 675, происходящих с усадеб Г и И Троицкого раскопа. В. Л. Янин [НГБ IX: 51] отождествляет его с новгородским посадником, занимавшим этот пост трижды на протяжении 1171–1175 гг.

Жиславъ пишет родителям, называя их по-семейному *тата* и *матка*. Второе слово уже встречалось в берестяных грамотах № 227 (кон. XII в.) и 1102 (сер. XIV в.), первое же встретилось впервые и до сих пор вообще не фиксировалось в памятниках средневековой письменности. Связанное по происхождению с детской речью и имеющее индоевропейский характер [Трубачев 2006: 23], слово широко представлено в севернорусских говорах. Приведем характерный пример из [СРНГ, 43: 32]: *Раньше-то папой не звали, а татой все* (Арх.)[3]. Ср. укр. лит. *тато* и другие славянские фиксации в [ЕСУМ, 5: 527].

№ 1176. Начало текста на большом берестяном листе, оборванное на полуслове.

ѧко пьрьсть єсмє цл

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1160–1310-е гг., предпочтительно не позднее 1270-х гг.

Во фрагменте однозначно опознается цитата из Псалтири, а именно конец 14-го и начало 15-го стиха 102 псалма. Ср. эти два стиха в глаголической Синайской псалтири [Северьянов: 132]:

ѣко тъ позна създание наше · помѧнѫ ѣко пръсть есмъ
члкъ ѣко трава днь-е-го · ѣко цвѣтъ тако отъцвьтетъ

Библейский текст переиначен автором грамоты: союз *ѧко*, вводящий в источнике изъяснительное придаточное (ср. в Синодальном переводе: «Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть»), был, по-видимому, понят им как вводящий сравнение: ‘Мы — как персть’. Весьма вероятно, что перед нами не просто цитата, а начало оригинального литературного текста, например проповеди, отправляющейся от переосмысленного библейского пассажа. О том, что это место Псалтири действительно могло восприматься таким образом, говорит его передача в Ярославском часослове XIII в. (Научная библиотека ЯМЗ, № 15481): «ꙗко то позна созданиѥ наше помѧноулъ нъı ѥсть . сь ꙗко пьрсть ѥсмь члв҃къ ꙗко трава днь҃ѥ=го . ꙗко цвѣтъ сельнъıи тако ѡцвѣтеть» (л. 52 об.)[4].

Фрагмент демонстрирует максимальную степень адаптации церковнославянского языка к новгородской языковой среде. Помимо употребления *ѧ* в значении [ja], характеризующего восточнославянский извод церковнославянского языка в целом, представлены: местный рефлекс *ТъгТ с редуцированным по обе стороны от плавного, цоканье (*цл*…), а также диалектная форма 1 мн. *есме*. Заметим, что этот яркий морфологический диалектизм находится в пределах варьирования церковнославянской нормы: форма *есме* последовательно проведена в ряде новгородских церковных рукописей XIII в.: Лобковском прологе 1282 г., второй части Софийского пролога (РГБ, Соф. 1324), Прологе РГАДА, ф. 381, № 156, Паремийнике РГАДА, ф. 381, № 60 [Гиппиус 1989: 107].

[3] В том же слое на территории той же усадьбы было найдено костяное навершие плети с надписью **ненькинє бѧтогє** ‘матушкина плеть’. В отличие от *тата*, слово *ненька*, также происходящее из детской речи, имеет южнорусское распространение, будучи представлено также в украинском. Замечательно, что южнорусским и украинским ареалом ограничено и значение ‘плеть’ у продолжений др.-рус. *батогъ* (в севернорусских говорах слово означает только ‘палка, трость’ [СРНГ, 2: 144–145; ЭССЯ, 1: 165–166]). Таким образом, в др.-новг. морфологическом оформлении здесь выступает южнорусская лексика. Возможно, мать писавшего (Жиславъ?) была родом из Южной Руси.

[4] Заметим, что в [СДРЯ, VI: 323] это место передано с ошибкой, показывающей, что составители тоже видели здесь сравнительный оборот: «ꙗко пьрсть ѥсть (!) члв҃къ ꙗко трава дн҃ь ѥго».

№ 1177. Начало письма, от которого сохранилась только адресная формула:

+ поклонание ѿ матери къ сын[о](у) …

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.
Внестратиграфическая оценка: 1100–1270-е гг., предпочтительно XII в.

№ 1178. Почти полностью сохранившееся письмо из пяти строк:

ѿ незнана : къ н[ад]------ (ьто)
(є)си съкриле : на сукънѣхъ : вѣ(вє)риць
въдаи же носъку оу гор[ѣ]на възьми :
[з҃ н]ога[тъ] : у жуку у хромаго ·в҃· кунѣ
у сновида ногата

Буква *ѿ* имеет зеркальное начертание (отражена по вертикали: Ѡ), такое же, как в грамотах № 114 и 1183.

Стратиграфическая дата: XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1100–1190-е гг., предпочтительно не ранее 1120-х гг.

Перевод: ‘От Незнана к Надейку (?). Деньги, которые ты скрыл при покупке [*или*: продаже] сукна, дай Носку. У Горена возьми 7 ногат, у Хромого Жука 2 куны. У Сновида ногата’.

Сочетание *съкриле на сукънѣхъ вѣ*(*ве*)*риць* находит ближайшую параллель в № 1108 (XII_2): [*а Х*]*арѧ на молодогь сокриль поло чьтвьрть на дьсѧть куонь*. Не предполагая буквенных замен, ‹*съкриле*› в этих контекстах можно было бы понять как ‘выручил’. Семантически, однако, появление такого значения у приставочного производного от *крити*, всегда означающего ‘купить’, маловероятно. Полагаем поэтому, что через *и* в обоих случаях записан глагол *съкрыти* (ср. примеры его записи через *и* в текстах XVI–XVII вв. [Страхов 1994: 215]).

Автор письма с высокой вероятностью отождествляется с Незнанком, автором грамоты № 804 (*Отъ Незнанъка къ Рюрѣ*), происходящей с соседней усадьбы Е (разница почерков этому не препятствует: одно из писем могло быть продиктовано). Помимо этих двух фиксаций, редкое имя *Незнанъ* засвидетельствовано в древнерусский период лишь младшим изводом Новгородской 1-й летописи, в котором посадник Мирошка Нездинич под 1189 г. упомянут как Незнанич; с этим отчеством он фигурирует и в пространной версии списка новгородских посадников [НПЛ: 230, 472]. Согласно В. Л. Янину [НГБ VII: 98; НГБ VIII: 67], Мирошка, под своим полным именем Мирослав, является автором грамоты № 502 и одним из адресатов грамоты № 603; к нему же адресована и грамота № 936. Это дает основание видеть в Незнане/Незнанке грамот № 804 и 1178 отца Мирошки, который мог быть известен современникам под двумя именами: родовым, боярским *Несъда* и семейным, домашним *Незнанъ*. Специально об этом см. [Гиппиус 2005].

Слово *жукъ* в колоритном прозвище *Жукъ Хромыи* — древнейшая письменная фиксация этой лексемы.

Имя *Съновидъ* в грамотах XII в. Троицкого раскопа встретилось в 11-й раз, при том что остальные его употребления исчерпываются двумя надписями того же времени в Софийском соборе [Медынцева 1978: 97, № 145] и Георгиевском соборе Юрьевского монастыря [Рождественская 1992: 69, № 14].

Имя *Горѣнъ* фиксируется впервые.

№ 1180. Письмо из трех строк с незначительными утратами.

ѿ петр(а к)[ъ] ---- (:) [ц](ь)то єси [бѣж](а)[л]є [:] нє въдавъ
наима: а то єсьмъ възалє [:] оу сьмъкѣ съ
[а]ръшьмъ : а заплати пать на дєсатє коунъ

Имя адресата начиналось на *ж* или *ѧ*.

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в.

Перевод: ‘От Петра к … . Арендную плату, которую ты не внес, бежав, я взял с Семки и Ярыша. Заплати же пятнадцать кун’.

Петр может быть тем же лицом, с которым связана большая группа грамот середины XII в., найденных на усадьбе Е (см. комментарий к грамоте № 1186). В ней он выступает как администратор высокого ранга, ведающий, среди прочего, арендой земельных участков. Об аренде земли, скорее всего, идет речь и в данной грамоте. Семка и Ярыш могут быть соарендаторами адресата (ср. упоминание коллективной аренды и «вкупников» в № 821). Но это могут быть и лица, с которыми адресат непосредственно имел дело, арендуя принадлежащую Новгороду землю, находящуюся в общем ведении Петра. В пользу этой возможности косвенно свидетельствуют имена. В грамоте № 1026 Семка продает рабыню, а в № 710 фигурирует Гюргий Семкинич — судя по упоминанию с отчеством, также лицо состоятельное. От имени *Ярышь* происходит название проходившей поблизости Ярышевой улицы.

№ 1181. Письмо из трех строк без левого края.

… ко тудорови соделаите асели подо сенѣми конѣмо
…(во) [гу]м[є]ниче сокладите а уо синиче вощагю возѣми
…[а] ти [сес]тра возати и ви---------[к]--(-)ю сакови

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120–1190-е гг., предпочтительно не ранее 1160-х гг.

Слово [*сес*]*тра* в 3-й строке восстанавливается предположительно. Буква *е*, по-видимому, исправлена из *о*, а второе *с* вписано между *е* и *т*. Окончание 3-й строки также надежно не интерпретируется. Буква после *к* может быть *л* или *е*/*с*. В первом случае можно прочесть *К*[*лю*]*ю Сакови*, то есть сочетание прозвища *Клюй* (откуда фамилия *Клюев*) с именем *Исак* с усеченным начальным гласным (ср. *Сак* как имя крестьянина в [НПК, VI: 170]); при выборе второго варианта реконструируется (*Оль*)[*ксиц*]*ю*.

Перевод: ‘… к Тудору. Сделайте под сенями ясли (кормушку) для лошадей, … [хлеб?] сложите в гумницы. А у Синицы возьми вощагу. … тебе нужно взять сестру …’.

Адресат письма Тудор может быть тождествен Тудорку, автору грамоты № 825, и Тудору из № 999. Последнее письмо содержит распоряжение ссыпать зерно «у Тудора» и организовать его продажу, с чем соотносится указание сложить хлеб в «гумницы» в комментируемой грамоте.

Упоминание яслей под сенями — ценная деталь, проливающая свет на устройство усадебной застройки средневекового Новгорода. Она, впрочем, нуждается в специальной интерпретации ввиду многозначности термина *сѣни*: это может быть как помещение в составе основного дома (например, высокое крыльцо), так и отдельное строение хозяйственного назначения, см. [Слов. XI–XVII, 24: 64–65].

Гумницы, по Далю [1: 408], — ‘место, где стоит гумно и окружность его, все задворье, задворок, зады, гумна с токами, овинами, конопляники, огороды и пр.’. В исторических словарях русского языка слово отсутствует, однако встретилось в документе XVII в.: *под гумницы и под огороды* [Гизатуллина 2011: 174].

Особый интерес представляет слово *вощага*. Оно известно словарям в двух значениях, обозначая, с одной стороны, колотушку для битья в бубен (плеть с прикрепленным к ней на ремне деревянным шаром), а с другой — бич, дубинку как орудие наказания [Даль, 1: 249; Слов. XI–XVII, 3: 78]. В последнем значении слово использовано в переводе Хроники Георгия Амартола как глосса к грецизму *маглавие* (μαγγλάβιον) [Станков 2021: 20–22]. Оба значения мало подходят к контексту грамоты. Учитывая, что их семантическим инвариантом является ‘инструмент для нанесения ударов’, а также то, что

упоминанию вощаги в тексте предшествует указание сложить хлеб в гумницы — очевидно, для последующей молотьбы, можно высказать предположение: не могло ли слово обозначать также ударную часть цепа, среди названий которой фигурируют *било*, *билень, тяпок* и др. [Даль, 1: 579]?

Неожиданное *ю* в *вощагю* может быть сопоставлено с *приедю* в грамоте Звен. 2 (XII в.). Не отражая фонетической реальности [ДНД$_2$: 347], эти написания в то же время вряд ли случайны. Возможно, их следует объяснять отсутствием перед [у] в ауслауте противопоставления твердых и мягких согласных: в силу невозможности слогов [г'у] и [д'у] на конце слова, *оу* и *ю* могли в этой позиции опционально восприниматься как омофоничные графемы (ср. их свободное варьирование в позиции после шипящих и *ц*).

Исправление *сотра* в *сестра*, если слово прочтено правильно, перекликается с двукратным пропуском *с* в *сетроу*, *сетра* в грамоте № 531, по поводу которого Зализняк осторожно заметил: «Любопытно сходство этих повторяющихся написаний с в.-луж. *sotra* 'сестра' (ср. *wótry* 'острый' и т. п.); но для гипотезы о неслучайности этого сходства материала явно недостаточно» [ДНД$_2$: 418]. См. также [Гиппиус, Сичинава 2021: 212] относительно варьирования написания этого слова в грамоте № 531.

№ 1182. Документ из восьми строк с небольшой утратой в конце первой строки.

оу несодилє :є:і[:] к[оуно] оу [:і:]вана [г]ривена :і: па[тє н](огато) …
оу невера :з҃: гривено оу тверєше :г: гривенє оу захарье гривена .і. патє но[гатъ]
оу жаса :д: гривенє бє :і: коуно оу микоуле поло ъ҃тверьтє гривенє дєжа жита
оу ставора гривена ѯ витовиуа оу овогенє.є. гривена :і: .є: коуно ѯ прокоше :і: коун[о]
оу жидиль со обрадомъ :є: гривено во поламати оу мохънь :г: коунє дєжа рожи {н}
оу шенека полотрьтє:є: гривенє а невере са пороучиле оу некреше :є: на вереши
оу матєа :і: ѯ петра :і: ѯ :і:ванока :д: гривенє :в: дьже рожи оу льхона :в: дьж[є] рож[и]
оу жаса :в: дьже рожи оу захарь.є дьжа оу :і:леки дове ногатє оу матєа :д: белє

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1220-х гг.

Начальные и конечные гласные, а также цифры выделяются точками, число которых колеблется от одной до четырех (чаще всего две); один раз над цифрой стоит титло (:з҃: во 2-й строке). Почерк уверенный, но некнижный. Буква *н* в большинстве случаев (21 из 31) пишется зеркально; зеркальное начертание имеет и лигатурный ѯ (такое же начертание недавно встретилось в граффито из Георгиевского собора Юрьева монастыря [Гиппиус, Щеголькова 2024: 501, 525, № 67].

Имеются многочисленные исправления. В 4-й строке *н* в слове *гривена* (первое употребление) исправлено из *а*, в *Витовича* последняя буква исправлена из *е*, в *Прокоше* буква *к* исправлена из *в*; в 5-й строке после *Жидиль* зачеркнуто *е*; в *коуне* первая буква исправлена из *в*, в 8-й строке в *дове* первая буква исправлена из начатого *и* или *н*.

Написания, которые можно было бы однозначно квалифицировать как неисправленные описки, почти отсутствуют. С уверенностью таковой можно считать только первый *ѧ* (вместо *о*) в *Поламѧти*. Пропуск *з* в *бе* :*і*: может быть орфографической условностью, вызванной аналогией с *бе шести*, где *с* отсутствует в силу ассимиляции (ср. *бе* :*є*: *коуно* в грамоте № 349 [XIII$_2$]).

Перевод: 'У Несдилы 5 кун. У Ивана гривна и 5 ногат. … У Невера 7 гривен. У Тверьши 3 гривны. У Захарьи гривна и 5 ногат. У Жаса 4 гривны без 10 кун. У Микулы 3 с половиной гривны, кадь ячменя. У Ставра Витовича гривна. У Овгении гривна и 5 кун. У Прокши 10 кун. У Жидилы с Обрадом 5 гривен. В Поломети у Мохны 3 куны и кадь ржи, у Шенька 2 с половиной гривны, а Невер поручился. Зерна́: у Некреши 5 [кадей], у Матея 10, у Петра 10. У Иванка 4 гривны и 2 кади ржи. У Олехна 2 кади ржи. У Жаса 2 кади ржи, у Захарьи кадь. У Ильки две ногаты. У Матея 4 белки'.

Перед нами пространный долговой список. Суммы указаны в денежном и натуральном выражении: упоминаются, с одной стороны, гривны, куны и ногаты, с другой — дежи (кади) жита и ржи. В самом конце появляются четыре белы — это самое раннее упоминание отдельных беличьих шкурок в качестве единицы займа или средства платежа. Структура перечня неоднородна. Вначале фигурируют только денежные суммы, в том числе довольно значительные (наибольшая — 7 гривен), затем, как дополнения к ним, появляются объемы зерна. Начиная с долга Некреши называются в основном объемы зерна. При этом среди лиц, за которыми они значатся, появляются Жас и Захарья, уже упомянутые в начальной части списка. Дважды упомянут и Матей, за ним один раз указаны 10 (вероятно, кадей жита), а в конце — четыре белы.

В середине текста, перед серией записей о займах зерна, выделяются две записи расширенной структуры. Запись о долге Мохны содержит единственное в грамоте указание на место займа — в Поломяти; это древнейшая фиксация названия села, расположенного на р. Пометь, правом притоке Полы. Запись о долге Шенька включает указание поручителя — в этой роли выступает один из должников, фигурирующих в начальной части перечня; вряд ли случайно, что это Невер, за которым значится самая крупная денежная сумма — 7 гривен. Соседство этих записей может объясняться тем, что оба займа были сделаны в Поломяти, а Невер выступал поручителем по обоим.

Остальные займы были, по-видимому, сделаны в Новгороде. В пользу этого говорит совпадение имен значительной части должников с именами персонажей грамот, найденных на соседних усадьбах Троицкого раскопа. А именно, Тверьша фигурирует в грамотах № 671 и 1202, Ставр — в № 1178, Илька — в № 793, 834, 842, Прокша — в № 1189. Примечательно также соседство имен Матея и Петра, занявших каждый по 10 кадей зерна — самые большие из упомянутых в грамоте объемов. Соединение этих имен находим также в грамоте № 550 — письме Петра (явно того же, что и в комплексе грамот усадьбы Е) к Авраму, в котором Матей упомянут как крупное административное лицо. Таким образом, среди заемщиков комментируемого документа были люди знатные и состоятельные.

Несколько имен и прозвищ встретились впервые. *Некреша* — возможно, *Некреща* ‘некрещеный’, модифицированное под влиянием гипокористик на *-ша* (если только это не *Некраша*, с повторенным по ошибке *е*). *Мохнѧ* или *Мохна* (ранн. *Мъхън-*) — прозвище ‘мохнатый’, ср. название деревень *Мохнино* в Псковской и Вологодской областях. *Шенько* — прозвище, ср. у Даля: «Шеня, шенька … жеребя». Деревня *Шеньково* обнаруживается в Крестецком уезде Новгородской губернии, в десятке верст от Поломяти.

Отчество Ставра, *Витовичь*, — или от имени типа *Витославъ*, с необычным усечением второго корня, или же от канонического имени *Витъ*, другими древнерусскими источниками не засвидетельствованного.

Редкое в др.-русск. памятниках имя *Овъгенѧ* может быть как женским, так и мужским (ср. такие имена, как *Григорья*, *Прокопья*, *Остафья*); в данном случае оно скорее принадлежит мужчине.

С точки зрения характера имен примечательно, что все должники-горожане (если мы верно интерпретируем композицию текста) носят или христианские, или традиционные славянские имена, тогда как оба сельских жителя — Мохна и Шенько — обозначены прозвищами.

Из вариантов *Пометь* и *Поломять* этимологически первичным признается первый, см. [Васильев 2012: 999]. Тем интереснее фиксация в грамоте вторичного варианта с *я*.

№ 1183. Полностью сохранившийся документ — азбука в необычном оформлении. Использованный лист бересты содержал двухконтурный зубчатый орнамент, верхняя часть которого была обрезана. Нижние части зубцов образуют трапециевидные ячейки, в которые вписаны организованные в пять рядов 34 буквы: по семь букв в первых четырех рядах и шесть в пятом. Первые семь букв написаны крупно в верхней части зубцов, буквы

остальных рядов имеют меньший размер и расположены друг относительно друга довольно хаотично. Как заметил М. А. Соколов[5], аналогию к такому оформлению азбуки составляет надпись на цере, найденной в 1984 г. на Троицком раскопе в слое 2 пол. XIII в. Записанный на торце деревянной дощечки столбец букв — *б*, *ж*, *к*, *п*, *ш*, *ф*, *ю* — находит объяснение как часть блока, составленного сложенными вместе торцами пяти цер, каждый из которых содержал колонку из семи букв [Зализняк 1999: 555]. Если бы так была записана наша азбука, ее носителем выступал бы комплект из семи цер[6]. Ниже состав азбуки представлен в виде таблицы.

⍋	Б	В	Г	Д	Є	Ж
ѕ	ⳟ	и	і	к	л	м
н	о	п	р	с	т	оу
ѳ	ⵝ	ѿ	ц	ч	ш	щ
ъ	ѣ	ѫ	ѭ	ѡ	ѧ	

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1200-х гг., предпочтительно после 1150-х гг.

Специфику этой азбуки можно оценить, сопоставляя ее с двумя типами древнерусских азбук, выделенными А. А. Зализняком, — представленным памятниками XI — первой трети XIII в. (первый тип) и отраженным азбуками второй половины XIII — XIV в. (второй тип). Основные различия между двумя типами состоят в следующем. В азбуках первого типа буква «зело» представлена в виде ⳟ, после *т* следуют *оу* и *ф*, отсутствуют буквы *щ*, *ь* и *ы*, представлены *ж* и *ѣж*. В азбуках второго типа буква «зело» выступает в виде ѕ или ꙅ, после *т* следуют *у* и *θ*, имеются буквы *щ*, *ь* и *ы*, но отсутствуют *ѣж* и иногда *ж*. Внутри первого типа выделяются азбуки более древнего вида, представленные берестяными грамотами № 591 (2 четв. XI в.) и 778 (нач. XIII в.), и азбуки с некоторыми элементами перехода ко второму типу: грамота № 460 (кон. XII в.) и азбука в Триоди Моисея Киянина (нач. XIII в.) [Зализняк 1999: 558–559]. В грамоте № 460 инновационными чертами являются наличие *θ* вместо *ф* и *щ* после *ш*; в азбуке Триоди — наличие ѕ вместо ⳟ.

Азбука комментируемой грамоты может быть охарактеризована на этом фоне как принадлежащая к «переходной» разновидности первого типа. Сохраняя архаичный состав букв гласных (*оу*, отсутствие *ь* и *ы*, наличие *ѣж и ж*), она в то же время демонстрирует инновационный состав согласных (*г*, *θ*, *щ*).

Особенностью азбуки является присутствие в ней сразу трех зеркальных начертаний: буквы *ѣж* и *ю* отражены по горизонтали, а ѿ — по вертикали. Заметим, что все три начертания засвидетельствованы грамотами XII в. и в активном употреблении: зеркальное *ю* встречается относительно часто [НГБ X: 212–213], ѫ представлено в № 114 и 1178, ѭ — в № 1059.

№ 1186. Правая часть письма из трех строк. Первоначальная длина грамоты составляла более 50 см. Адресат письма, прочтя его, завязал узлом берестяную ленту, часть которой с одной стороны от узла была впоследствии оборвана.

[5] Личное сообщение.

[6] Еще одну аналогию представляет найденная в 2003 г. на Пятницком раскопе в Старой Руссе деревянная табличка-бирка, на которой с обеих сторон вырезаны по пять букв алфавита: *а*, *б*, *в*, *г*, *д* | *е*, *ж*, *г*, *з*, *и* [Торопова и др. 2004: 31]. И этот предмет явно был частью азбучного комплекта, по-видимому, состоявшего из четырех табличек.

… (покла)[н]аніє то ти :і:доуть ново[т]орожь[цѣ] …
… (съ)доумавоша со волосомо аүь волъсь нє хоүьть а иди ко конязю
… далѣ ти конязю волю которои нъı водасть

В 3-й строке после *з* было начато *оу* и зачеркнуто.

В слове *ідоуть* начальный гласный обозначен через *і* в двоеточиях, при том что в *иди* он записан через *и*.

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1200-х гг., предпочтительно после 1150-х гг.

Из сохранившейся части текста видно, что письмо было посвящено событию большой политической важности. Общее содержание можно частично реконструировать. Упомянутые в первой фразе «новоторжцы» явно выступают как коллективное действующее лицо, а не просто как некая совокупность жителей Торжка (см. о таких употреблениях в летописи [Гимон 2015]); сочетание же с глаголом *идоуть* делает наиболее вероятным, что речь идет о военном походе[7]. Форма причастия (*съ*)*доумавоша* во 2-й строке показывает, что адресатов было двое. Единственное число императива *иди* не противоречит этому: сужение коммуникативной перспективы, при котором часть сообщения, имеющего двух адресатов, реально адресуется одному из них, в берестяных письмах не редкость. Причастию должен был предшествовать императив двойственного числа: по-видимому, сообщив о выступлении в поход новоторжцев (или их готовности участвовать в походе — форму *идоуть* можно трактовать и в этом смысле), автор предлагал адресатам принять решение о действиях, которые в этой ситуации должны предпринять новгородцы. Это решение они должны принять, посовещавшись с Волосом. В летописных контекстах, упоминающих такого рода совещания, в связке с глаголом *съдумати* встречается *оугадати*, ср.: «Изѧславъ же съ браⷮмъ Ростиславомъ **сдоумавша**, ѡжє юже рѣкы сѧ роушають, и **оугодаша** (sic!) поити розно»; «И начаша **думати** ꙗкоже заоутра рано поѣхати битсѧ к рѣци к Санови, и тако **оугадаша**» [Ипат.: 371, 447]; тот же глагол мог быть употреблен и в грамоте, например: (*вы же оугадаита*, *со*)*доумавоша со Волосомо*.

В случае, если Волос «не захочет», одному из адресатов предлагается пойти к князю — явно для того, чтобы сделать ему соответствующее заявление. Сохранившаяся часть этого заявления позволяет приблизительно восстановить его утраченное начало. Слова *далѣ ти конѧзю волю*, *которои ны водасть* (с местоимением *которыи* в В. ед. муж.) могут быть поняты только в смысле предоставления князю самому решить, ‘кого он нам даст’ — видимо, для выполнения функции, в которой может не захотеть выступить Волос. В ситуации военного похода такой функцией естественно считать роль воеводы, которая, скорее всего, прямо называлась в утраченной начальной клаузе. Эта клауза должна была содержать также сказуемое в форме 1 л. мн. числа перфекта, однородное с сохранившимся *далѣ*, в котором значение лица не выражено (положение энклитики *ти* после этого слова показывает, что оно находилось в начале клаузы и не могло иметь перед собой местоимения). Приходим, таким образом, к следующей примерной реконструкции 3-й строки: (*Мълъви емоу: воеводѣ есме не нашьлѣ*), *далѣ ти конѧзю волю, которои ны водасть*.

Перевод (включая реконструированные фрагменты): ‘Поклон от X-а к Y-у къ Z-у. Вот, идут новоторжцы … (Вы же примите решение), посовещавшись с Волосом. Если Волос не хочет, то иди к князю. (Скажи ему: мы не нашли воеводы), предоставили князю свободу [выбрать], кого он нам даст’.

Общая ситуация грамоты выглядит в свете этой реконструкции следующей. Замышляется (вероятно, князем) некий военный поход, и новоторжцы уже согласились в нем участвовать. Адресатам грамоты предлагается принять решение об участии в походе новгородцев. Для этого они должны посоветоваться с Волосом, который мог бы возгла-

[7] Ср. летописное сообщение 1198 г.: «На ту же зиму ходи князь Ярославъ съ новъгородьци и съ пльсковици и съ новотържьци и съ ладожаны и съ всею областию Новгородьскою къ Полотьску» [НПЛ: 44].

вить новгородское войско. Но автор грамоты заранее считает вероятным, что Волос откажется выступить в этой роли. В этом случае нужно будет сообщить князю, что своего воеводы у Новгорода нет и что князь, если он хочет, чтобы поход состоялся, должен предложить на эту роль своего человека.

Для середины XII в. эта ситуация вполне типична. Так, под 1145 г. летопись сообщает об участии Новгорода в совместном походе русских князей на Галич; новгородцев в этом походе возглавлял воевода Неревин, видный представитель боярства Неревского конца[8]. Особенно примечательно известие 1139 г. В этом году Юрий Долгорукий, находясь в Смоленске, предложил новгородцам участвовать в походе на Киев против Всеволода Ольговича. Новгородцы ответили отказом, который повлек за собой бегство из Новгорода сына Юрия Ростислава и репрессивные меры Юрия, на обратном пути из Смоленска в Суздаль захватившего Торжок[9]. Не исключено, что грамота непосредственно связана с этими событиями: автор имел основания думать, что Волос не захочет возглавить поход, а предложение князю самому назначить воеводу может быть формой вежливого отказа.

Масштаб событий позволяет видеть в авторе и адресатах письма лиц, занимающих ключевые посты в администрации Новгорода. В этом отношении грамота объединяется с синхронным ей комплексом документов судебного содержания, происходящим с соседней усадьбы Е, где в середине XII в. находился административный центр Людина конца. Главными фигурами, заправлявшими делами этого центра, были Петр (Петрок) и Якша, отождествляемые, соответственно, с боярином Петром Михалковичем, выдавшим в 1156 г. дочь за князя Мстислава Юрьевича, и посадником Якуном Мирославичем, занимавшим этот пост в 1137–1141 и 1156–1157 гг. Учитывая, что четыре письма из этого комплекса (№ 812, 821, 870, 885) имеют адресацию «к Петру и Якше», кажется вполне вероятным, что и грамота № 1186 была адресована им же. Особенно примечательно, что адресатом одного из писем Петра (№ 604) является не кто иной, как Волос (согласно комментарию в издании, это может быть отец Сбышки Волосовича, убитого во время возвращения новгородцев из похода в Югру в 1193 г.). Ключевая роль Волоса в ситуации комментируемого документа показывает, что и он принадлежал к верхушке новгородского общества. Весьма вероятно, что по имени этого человека получила название пролегавшая неподалеку от усадьбы Е Волосова улица и что именно он был ктитором находившейся на этой улице церкви св. Власия, посвящение престола которой явно имело патрональный характер.

Подытоживая сказанное о содержании грамоты, в ней нельзя не увидеть яркую иллюстрацию политического устройства Новгорода, сложившегося после переворота 1136 г. Самостоятельность властей республики в принятии важнейших политических решений выступает в тексте с чрезвычайной наглядностью, а слова *далѣ ти кнѧзю волю* демонстрируют главную черту новгородской государственности — знаменитую «вольность в князьях», которая заключалась не только в свободе выбора князя, но и в ограничении его полномочий («воли»).

В морфологическом отношении представляет интерес пара словоформ *новоторожьцѣ* и *далѣ*. Первая содержит древнейший в берестяных грамотах пример флексии *-ѣ* в И. мн. мягкого варианта *о*-основ. До сих пор эта флексия фиксировалась лишь в грамотах XIV–XV вв., при том что в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи соответствующие примеры представлены в заметном количестве в повествовании за XII в.: *половче*

[8] «Томь же лѣтѣ ходиша вся Русска земля на Галичь и много попустиша область ихъ, а города не възяша ни одиного, и воротишася, ходиша же и из Новагорода помочье кыяномь, съ воеводою Неревиномь, и воротишася съ любъвью» [НПЛ: 27].

[9] «Приде Гюрги князь и-Суждаля Смольньску и зваше новгородьце на Кыевъ на Всѣволодка, и не послушаша его. И тъгда бѣжа Ростиславъ Смольньску къ отцю из Новагорода, септября 1, сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 лѣт и 4 мѣсяцѣ; и разгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю, възя Новыи търгъ» [Там же: 25].

[1135], *свьє* [1164], *немьце* [1188], *новгородьце* [1196], см. [ДНД$_2$: 109]; теперь эти примеры можно уверенно считать восходящими к оригиналу. Окончание *-ѣ* во мн. числе перфекта уже встречалось в грамотах XII в. (*вькоупьникѣ … съгонилѣ* 821, *ѿшелѣ ти есме* 1007, *продалѣ* 997, (*по*)*шеле есте* 1151), представляя собой частный случай употребления его в И. мн. муж. твердых *о*-основ. Однако ни одна из ранних грамот, в которых до сих пор фиксировалась эта флексия, не содержала форм мягкого *о*-склонения. Свидетельство комментируемой грамоты в этом отношении весьма ценно, так как демонстрирует параллелизм двух инноваций, имеющих общую природу.

Параллель к фразе *далѣ ти конязю волю, которои ны водасть* составляет фрагмент из статьи 1229 г. НПЛ о выборах архиепископа: *да положимъ 3 жрѣбьи, да которыи б҃ъ да*^{с} *намъ* [НПЛ: 68, л. 109].

№ 1187. Целое письмо из четырех строк.

отъ перєшькѣ къ акововү сє обишьла тѧ[ж](ѧ д)[ѣ]до≠
слава · ѳ имаютъ и на во^{ѧоу} даже сѧ обини^{тъ} т[о] (по)ложи≠
ти гривьнъ семь · въздаи жє ми вѣсть съкоу≠
паю ли или огрєноу сѧ єго

Грамота написана на тонком, тщательно обработанном листе бересты красивым, хорошо поставленным почерком. В двух случаях писец пропустил слог, но вписал его над строкой.

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1140–1170-е гг.

Перевод: ‘От Перешки к Якову. Вот, обложила тяжба Дедослава: берут его на испытание водой. Если он будет признан виновным, [придется] заплатить семь гривен. Сообщи же: собирать ли мне [эту сумму] или воздержаться от этого’.

Перешка является также автором грамоты № 1229, написанной другим почерком и датируемой концом XI в. Это письмо молодой женщины, недавно потерявшей мужа. Редкость имени, неизвестного из других источников, позволяет думать, что и в комментируемой грамоте действует та же Перешка, но на другом жизненном этапе. Такой трактовке отвечает разница почерков — грамота № 1187 явно написана под диктовку писцом-профессионалом. Яков в этом случае — второй муж Перешки. В грамоте **№ 1191**, найденной на той же усадьбе, он выступает как автор (сохранилось лишь начало адресной формулы **отъ акова къ** …). Без уточнения стратиграфии неясно, может ли это быть то же лицо, что и Якша, упоминаемый в грамотах усадьбы Е (см. комментарий к № 1186).

Перешка сообщает Якову о сложной ситуации, в которой оказался Дедослав. Его, в связи с предъявленным иском, собираются подвергнуть испытанию водой — одной из разновидностей Божьего суда. Это уже второе в берестяных грамотах упоминание ордалий. Грамота № 238 (нач. XII в.) содержит угрозу вызова «на воду» из-за вменяемого автору долга величиной в гривну и восемь кун. Как отмечено в [ДНД$_2$: 259], эта угроза содержит преувеличение: по нормам Русской Правды, испытание водой применялось для исков размером от двух гривен до полугривны золота. В нашем случае сумма (7 гривен), которую предстоит заплатить в случае, если обвинение будет подтверждено, находится в предписанных законом пределах[10].

Съкоупаю ли можно было бы перевести как ‘выкупаю’, используя одно из значений глагола *скупати* в [Слов. XI–XVII, 17: 42]: ‘выкупать из неволи, уплачивая чей-л. долг’. Такой перевод, казалось бы, отвечающий ситуации грамоты, был бы, однако, ошибочен.

[10] Глагол *обинитися* выступает здесь не в значении ‘быть обвиненным’, а в значении ‘быть признанным виновным’. Аналогично в статье Русской Правды, регламентирующей порядок взыскания долга путем другого вида ордалий — «железа», *обинити* означает не ‘обвинить’ (как это место трактовано в [СДРЯ, 5: 481]), а ‘доказать обвинение’: *аже ѡбинить и, то ємьлеть своє, не ѡбинить ли єго, а платити ємоу гривноу за моукоу*.

Скупати в этом значении представлено лишь в текстах XVII в.; это поздняя инновация, возникшая фонетическим путем из др.-рус. *искупати* (аналогичным образом раннее *исправити* превратилось в *справити*). Древнее *съкоупати* (*съкоупити*) имело значение ‘собирать, копить’. Представленное в летописях только в контекстах собирания войска, это значение приложимо и к другим объектам. В недавно найденной свинцовой грамоте из г. Полонное (Хмельницкая обл., Украина) находим: *съкоупивъша скоты, а без Мича веди Кыевоу* [Бобровский и др. 2022]. В нашем случае речь идет о деньгах: Перешка спрашивает, собирать ли ей сумму, которую придется заплатить, если Дедослав будет признан виновным.

Не меньший интерес представляет формулировка альтернативы: *или огреноусѧ его*. Архаичный глагол *огренутися* (сов. вид к *огрѣбатися*) имеет управление родительным падежом. Антецедентом местоимения *его* можно было бы счесть Дедослава (‘откажусь от него’ в смысле ‘от уплаты его долга’), если бы не следующее обстоятельство: объектом при данном глаголе регулярно выступают отвлеченные существительные: *огрѣбаюсѧ всѧкого зла* и т. п. Это делает более вероятным, что местоимение *и* выступает здесь не в значении ‘он’, а в значении ‘этот’, которое оно имеет, например, в грамоте № 247: *господарь въ не тѧжѣ не дѣе* ‘хозяин по этому поводу иска не предъявляет’ (см. другие примеры в [Зализняк 1993: 149]). В данном случае под ‘этим’ имеется в виду, вероятно, сбор суммы для уплаты долга.

В *обишьла* приставка *об-* выступает в варианте *оби-*, представляющем собой, согласно [Мейе 1951: 124], усиленную форму варианта *обь-*; ср. в Синодальном списке НПЛ: *а оуже, кн҃же, обишлі на*ᶜ *около* (л. 121, 1238).

Глагол *имати* выступает в грамоте с инновационной основой презенса *имај-*, образованной под влиянием основы инфинитива. Это первый пример данной модели в берестяных грамотах (при том что формы, образованные по древней модели *емлю*, *емлеши*, представлены в них неоднократно) и, по-видимому, древнейшая ее фиксация вообще (см. примеры в [СДРЯ, 4: 145][11]).

№ 1188. Целое письмо из четырех строк.

{+ ѿ онр} + ѿ онᵒдроникѧ ко микошє комѹ вєлишє
водати полѹторє грвєнє ѹ мєнє проси твєрє⸗
дила ѧ ѧ нє водалє ѧ тъı кажи борозо
комѹ водати ѧ нѧ мєнє настѹпаєтє

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: 1200–1270-е гг.

Начало текста далось автору с известным трудом. Пропустив *д* в своем имени, он начал адресную формулу заново. Написав *ондр*, он счел и этот вариант недостаточным, но теперь уже вставил пропущенное *о* над строкой.

Перевод: ‘От Ондроника к Микше. Кому прикажешь дать полторы гривны? У меня просит Твердила, а я не дал. Сообщи же скорее, кому дать: он на меня нажимает’.

Значительное расхождение внестратиграфической датировки со стратиграфической заставляет думать, что писавший был стар, являясь носителем архаичных для своего времени письменных навыков. Последовательное написание *о* и *е* на месте слабых редуцированных, видимо, объясняется скандированием, а отсутствие случаев разделения гласным исконных сочетаний согласных — хорошо освоенной техникой чтения по складам [Петрухин 2020: 113–116]. Искусственность такого «квази-раннедревнерусского» облика текста выдает уже упомянутая вставка *о* в имени автора, а также написание *полѹторе*, отражающее фонетическое изменение исходного [полъwъторе̂] после утраты слабого ъ.

[11] Заметим, что приведенный в словаре пример из статьи 1172 г. в этом отношении не показателен: по данным [НКРЯ], аналогичные примеры имеются и в части Ипатьевского списка, содержащей Повесть временных лет, однако сопоставление с другими списками заставляет относить их за счет модернизации языка переписчиком.

№ 1189. Целый документ из четырех коротких строк:

ѿ прокоꙗ
шь ко нь꙼
цѧєви
у[д]ѧвисѧ

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1180–1210-е гг., предпочтительно до 1200-х гг.

Грамота написана на куске грубой бересты и имеет нехарактерную для Новгорода ориентацию строк — поперек, а не вдоль волокон.

Перевод: ‘От Прокши к Нечаю. Удавись (*или*: Подавись)’.

Пожелание удавиться, к которому сводится содержание необычного послания, представляет собой речевой акт проклятия. Его прагматический контекст оставляет простор для интерпретаций. Нельзя исключать, что проклятие имеет шуточный характер и что перед нами образец подросткового юмора. С этим неплохо согласуется не только необычное оформление текста, но и две его графические особенности: зеркальное начертание *н* и опережающее свое время использование *у* в начале слова (в берестяных грамотах оно до сих пор фиксировалось с начала XIII в. [Зализняк 2000: 276]): и то и другое можно объяснить юным возрастом писавшего. Впрочем, первая черта представлена и в грамоте № 1182, что делает этот признак непоказательным [12].

Вторая возможность состоит в том, что перед нами записка, посланная вместе с возвращаемым долгом, проклятие должника в адрес кредитора: «Подавись своими деньгами!». В пользу такого понимания говорят два обстоятельства. Во-первых, сходной по прагматике фразой, выражающей отношение к заимодавцу как грабителю, заканчивается грамота № 1205 (см. ниже). Во-вторых, Прокша, по-видимому, фигурирует в списке должников в грамоте № 1182, где за ним значится одна из самых незначительных сумм — 8 кун. Имея в виду это совпадение, а также то, что обе грамоты найдены на одной и той же усадьбе и в одном пласте, допустимо предположить, что составителем списка долгов был адресат комментируемой грамоты — Нечай [13].

№ 1190. Целый документ из девяти строк:

сє прикѧза(л)[ъ] борис[ъ] (жє)꙼
нѣ своꙗи съ климато(ю)
возмить оу изосим[ѣ дь]сѧ꙼
ть гривєно · оу микоуліщѣ оу
тостого полоцєтвертъı оу
крꙗуска грива · и шсмє но꙼
гато оу хр[ь]бота тріндадь꙼
сѧть гривєнъ бє ѕ ногато оу
лєнтьица · поло патъı

Описка: пропуск *н* в *грива* в 6-й строке.

[12] Заметим, что единственный известный до сих пор древнерусский пример с глаголом *удавитися* в императиве также выступает в шуточном контексте — в записи писца Козьмы Поповича в рукописи Паремийника 1313 г. [РГАДА, ф. 381, № 61, л. 131]. Адресатом императива здесь является персонифицированное «убожество», которое должно удавиться от зависти при виде такого образцового бедняка, как автор: «Бъ даи съдоровиє к семоу б҃атию: что коунъ, то все въ калите, что пъртъ, то все на себе; оудависѧ, оубожиє, смотрѧ на мене».

[13] Когда статья уже находилась в печати, Д. С. Крылов обнаружил яркую параллель к грамоте № 1189 в латинском уличном граффито из Помпей: *Samius Cornelio, suspendere* ‘Самий Корнелию: повесься’ [Мау, Келси 1902: 493]. Предложение повеситься было, как выясняется, популярной формой проклятия в древнем Риме.

Стратиграфическая дата: середина — вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: 1240–1290-е гг., предпочтительно конец XIII в.

Перевод: ‘Вот поручил Борис своей жене и Климяте. Возьмите у Изосимы десять гривен, у Микулишки Толстого три с половиной [гривны]. У Кривушка гривна и восемь ногат, у Хребта тринадцать гривен без шести ногат, у Лентейца четыре с половиной [гривны]’.

Перед нами простейшая форма завещания, содержащая только перечень сумм, которые должны завещателю разные люди. Климята — скорее душеприказчик, чем один из наследников Бориса (в этом случае естественно было бы ожидать указания степени родства).

В *Микоулищѣ* буква *щ* выступает в фонетическом значении [ш’к’], ср. *оу Тимоще* в № 78 (XII_2) и др. [Зализняк 1986: 186–187]. Кроме того, перед нами единственный в берестяных грамотах пример гипокористики с суффиксом *-ишк-*; ср. *шатришко* 1126 (XIV_2) — древнейшую фиксацию этой словообразовательной модели у апеллятивов.

Тостого ‹*Толстого*› — еще один пример перехода предконсонантного *ол* в *о*, описанного Зализняком [2019].

Криоуска можно трактовать двояко. Это может быть ‹*Кривушка*› с выпадением интервокального [w] и отражением шоканья. Одновременное присутствие в грамоте гипокористики на *-ишк-* поддерживает такую интерпретацию; ср. также прозвище *Кривъ* 196 (нач. XIV в.)[14]. С другой стороны, имеется фамилия *Кривусов*, явно восходящая к прозвищу *Кривоус*. Цепочка преобразований, которым подверглась гипокористика от этого прозвища, могла иметь вид: *Кривоуска* > *Кривуска* > *Криуска*. Отметим, что выпадение *в*, которое в любом случае произошло в этом слове, приходится на ту же позицию перед *у*, в которой оно представлено, например, в Лаврентьевской летописи: *жиоуть*, *жиоуще*, *ожиоуть*, *протиоу* [Лавр.: лл. 3 об., 4, 5, 20, 21].

№ 1192. Полностью сохранившийся документ из четырех строк.

ⱗоугѣ ѵ̅лвѣ^{ка} иєвⱗа ѳєдо≈
ра гюрьа[к]ⱗ пєтра ⱗазора
ѳєклоу катєри вароу ирини
марьє овъдогии ⱗа

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1160–1200-е гг.

В 1-й строке *ѣ* в *чл̅вѣка* исправлен из *е*, *ка* вписано над строкой. В 3-й строке *оу* в *Ѳеклоу* переделано из *а.* Во 2-й строке мачта *ю* имеет ярко выраженный изгиб, делающий ее похожей на *е*; ср. похожий начерк *ю* в № 350 (сер. XIII в.). В *Катери‹ну›* опущен последний слог, в *Вар‹ва›роу* — срединный.

В начальном *Лоугѣ* можно было бы увидеть беспредложный локатив названия реки и прилегающей к ней территории. Но на фоне двух бесспорных замен звонкого согласного на глухой — *Гюрьѧка* ‹*Кюрьѧка*› и *Овъдогии* ‹*Овъдокии*› — эта словоформа однозначно трактуется как Р. п. ‹*Лоукѣ*›. Следующие далее мужские имена (а также словоформа *чл̅вѣка*) могут также стоять в Р. п., но это могут быть и формы В.=Р. Первое женское имя писец написал сначала в И. п., но затем перевел в В. п. — возможно, трактуя соответствующим образом ряд предшествующих мужских имен. В В. п. стоит также имя Варвары. Далее следуют три женских имени в Р. п. Завершающая список форма *Ѧна* может быть как формой Р. п. мужского имени *Ѧнъ* (Иоанн), так и формой И. п. женского имени (о соотношении этой формы с каноническими именами *Иоанна* и *Анна* см. [Щипакова, Можаровская 2025]). Второе более вероятно, учитывая, что женскими являются шесть предыдущих имен.

[14] Ср. вариантные гидронимы и ойконимы *Кривуша*/*Криуша*, среди которых река в Тамбовской области и село в Клепиковском районе Рязанской области, упомянутое в «Анне Снегиной» С. Есенина (замечание Д. В. Сичинавы).

Подобные списки христианских имен неоднократно встречались среди берестяных грамот домонгольского времени, найденных в Новгороде и Смоленске. Несколько таких документов происходят с усадьбы священника и художника Олисея Гречина, с чем связана двойственность их атрибуции — как церковных поминаний или же заказов на иконы. М. А. Бобрик [2014: 193], находя первую трактовку единственно возможной, объясняет характерное для таких грамот варьирование падежей прагматикой поминальной записки, допускающей колебания — «в зависимости от того, пишет ли автор безотносительно к контексту поминальной формулы (список имен в И. п.) или имеет мысленно в виду формулу типа “помяни, Господи” (В. п.), или — глядя на заголовок поминания — формулу “о здравии/упокоении р. Б.” (Р. п.)». Но то же можно сказать и об иконных заказах, строящихся по модели «образ святого Х» (Р. п.) или «напиши святого Х» (В. п.) [ДНД$_2$: 349]; ср. надписи на заготовке иконы, среди которых есть как инструкции *Онуѳрию тоу написи*, так и изолированные формы В. или Р. п.: *Михаила*, *Евана*… [Колчин и др. 1981: 146].

Для понимания прагматики грамоты критически важен смысл словоформы *чл҃вѣка*. Предполагать, что слово выступает здесь в значении ‘слуга’ и что имеется в виду, например, слуга Луки Иван, не позволяет как однородность остального текста, состоящего из одних имен, так и невозможность в эту эпоху одиночного приименного генитива. Структурно слово занимает позицию личного имени, представляя собой один из пунктов перечня. Наиболее вероятным кажется следующее объяснение: *Человѣкъ* — это сокращенная форма агиографического эпитета святого Алексея — Человек Божий. Возможность использования этого сочетания как замены имени обусловливается уникальной особенностью жития св. Алексея, изначально представлявшего собой житие анонимного святого. В славянском тексте жития имя его протагониста появляется лишь в последней фразе, до этого он на протяжении всего текста упоминается только как Человек Божий.

При такой трактовке спорной словоформы грамота содержит семь мужских и семь женских имен:

Лука, «Человек (Божий)», Иван, Федор, Кюрьяк, Петр, Лазарь;

Фекла, Катерина, Варвара, Ирина, Марья, Овдокия, Яна.

Организованный таким образом список едва ли представляет собой заказ на изготовление 14 патрональных икон. Скорее перед нами все же поминание, в котором место имени *Алексей* занимает агиографический эпитет святого покровителя соответствующего лица[15]. Отметим частичное пересечение этого перечня имен с читаемым в грамоте № 560, найденной на усадьбе Олисея Гречина: + [*Ѳекла*, *К*]*оура*, *Иевана*, *Олькъсоу*, *Ѳедора*, *Хръстиноу*, *Мариѧ*, *Оноусию*, *Ѳвимею*, *Варъвароу*, *Ѳъвърънию*, *Окоулина*, *Настасиѧ*. Если «Человек» нашей грамоты — Алексей, то связка *Чл҃вѣка*, *Иевана*, *Ѳедора* прямо соответствует группе *Иевана*, *Олькъсоу*, *Ѳедора* в этом документе. Показательно и использование в обеих грамотах достаточно редкого варианта *Иеванъ*[16].

С фонетической точки зрения представляет интерес уже упомянутая трехкратная замена глухих согласных на звонкие. Как системное явление непозиционная мена глухих и звонких представлена в написанных одним почерком грамотах № 905 и 910 (посл. треть

[15] Этот эпитет вполне мог закрепиться за поминаемым лицом в качестве прозвища. Случаи такого рода известны. Так, в грамоте великого князя Андрея Александровича конца XIII — нач. XIV в. упоминается *вата*^{м}*ман Ѡндрѣи Кри*^{т}*цкыи*» [ГВНП$_2$: 219, № 82], а в документах второй пол. XVI в. фигурирует Ефрем Семенович Сурин Лодыженский [Веселовский 1974: 306–307].

[16] Попутно отметим явно неслучайное соединение в № 560 имен святых врачей-бессребреников Кира и Иоанна. Скорее всего, в грамоте они выступают как святые покровители одного лица. О возможности такого парного патроната пишут А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский [2021: 41]: «Если речь шла о двух сомучениках или о святых, как-то иначе связанных друг с другом агиографически, бывало и так, что ребенку давали имя только одного из этих святых, но числили его покровителями обоих, например князей-мучеников Бориса и Глеба или врачей-безмездников Кира и Иоанна».

XI — нач. XII в.) и в № 614 (кон. XIII в.), а также в граффито из Георгиевского собора Юрьева монастыря: *то ти тиво ‹диво›, крамотѫ* [Гиппиус, Михеев 2022: 105]. Изолированные примеры встречены уже в целом ряде документов, см. [Гиппиус, Сичинава 2021: 183]; из последних находок ср. *Серькию* 1148 и *ѥстьчь ‹ѣздьць›* 1169.

№ 1194. Фрагмент делового распоряжения.

… [оу коснилѣ] вѣзьм(и) …
[вѣχ]оу гривьноу цєгᲁ любо н(єд)остᲁ[н](є ᲁ) єни оу [м]…
гᲁ нᲁм[ъ] оу [вѣχѣχъ изьми вѣ] рж[и] …

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1140–1210-е гг., предпочтительно после 1150-х гг.

Утраченные концы двух строк допускают связную реконструкцию: **вѣзьм(и исто)** | **[вѣχ]оу гривьноу** и **оу [м](илонѣ)|гᲁ** или **[м](иронѣ)|гᲁ**. Реконструируемое имя могло быть и более редким, например, *оу М*(*олибо*)*га*, ср. отчество *Молибожичь* в Ипатьевской летописи (1240, л. 266).

Перевод: ‘… У Коснилы возьми основную сумму долга, всю гривну. Если чего недостанет, бери у Милонега (или Миронега). Процент у всех возьми рожью. …’.

Грамота замечательна густотой диалектного колорита: на коротком отрезке текста сконцентрирован целый ряд фонетических и морфологических диалектизмов. Не считая цоканья, здесь представлены: два примера основы *вьх-* без рефлекса 2-й (*вѣхѣхъ*) и 3-й (*вѣхоу*) палатализаций; переход *мл’ > н’* (*ени*), Р. ед. на *-ѣ* (*оу Коснилѣ*), местоименное окончание Р. ед. муж.-ср. *-ега*, нулевое окончание 3 ед. презенса.

№ 1195. Фрагмент азбуки.

- - - - - - - - - к ᲁ м н о п р с т̄ оу [ѳ] χ ѡ̈ ц [ѵ ш] - [ѣ] оѡ [ѫ ѧ]

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120–1210-е гг., предпочтительно 1140–1170-е гг.

Между *ш* и *ѣ* скорее всего находился ъ. В этом случае по составу букв гласных азбука отличается от № 1183 отсутствием архаичного *ѫ*, а по составу согласных — отсутствием *щ*, что, напротив, является древней чертой. Таким образом, перед нами еще один пример состава алфавита, переходного между первым и вторым типами по Зализняку. Буква *ю*, как и в № 1183, имеет зеркальное начертание.

Яркая индивидуальная особенность этой азбуки — стоящий над *т* знак титла. Писец явно воспринимал титло как элемент алфавита. Выбор позиции для включения его в азбучный текст понятен: титло стоит над буквами, образующими сокращение корня *свѧт-*. Возможно даже, что всю последовательность *п р с т оу* писец соотносил со словоформой В. ед. ж. *прѣсвѧтоую*, с которой начинается прошение ектеньи: «Пресвятую, пречистую владычицу нашу Богородицу…».

Аналогию к введению в азбуку титла как вспомогательной графемы находим на уже упоминавшейся табличке из Старой Руссы [Торопова и др. 2004], в которой между буквами *ж* и *г* в нижней части строки помещен знак, имеющий вид миниатюрного *о*. Судя по положению, это может быть знак тысячи, расположенный перед буквой, в сочетании с которой он выступает в обозначении годовых дат.

№ 1196. Долговая запись из 12 строк с утратами.

оу грѣшки оу клѣмова г коробѣи молодогоу и {п}полътора [зо]лотони(ка) ------
ᲁ оув офоноска пол пати грѣвнѣ оув {офн} диѧнка грнвиᲁ оув ыгᲁ[т](ᲁ) ------
оу квасᲁ є коробии ржи оув осташики в гривнѣ оу смєнᲁ п[ѳ][лъ] -----
----------[и] пол[и]тинᲁ и пол{ти}рти грвнѣ оу зиновѣ грвнᲁ оув онᲁшки
----------ки ѧ семниць оу сьмєнᲁ оу михᲁ(-)линᲁ полъ трєи гривни [и]

--------- (оу) [п]рошик полтима оу дємида полпма оу ѣажи полтри грив[ѣ]
----------[и]на оу максима и коробєи ржи оу нозари оув одриєва полтин[а]
(и полътора) золоника оу нозарии гривна оув игата грива оу нозарии єсми[ц]
---------ки поло гриви · оу гфанка пол[и]на оу велима полъ ргв[и]…
---------[ина] оу моря плъ грвини оу дорошики [гр]на
----------[и оу] колоти{и}ли п гриви и полътна оу т…
----------на д грни оу в[ара]-- (о)[у] цєрнцина пол- ….

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII — первая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 1340–1360-е гг.

Грамота написана небрежно, со множеством ошибок. Но подавляющее большинство их приходится на названия денежных единиц и числительные, в передаче которых писец вообще не стремился к графической правильности, полагаясь на общую узнаваемость словоформ; слова *гривна* и *полтина* выступают со всевозможными искажениями (об этом явлении см. [ДНД$_2$: 491]). В 4-й строке *полтирти* написано, вероятно, вместо *полъ цетверти*: к начатому по ошибке *полтина* писец добавил исход словоформы числительного. В записи имен ошибки тоже встречаются, но намного реже. Дважды пропущено *н* в имени *Игнатъ* (во 2-й и в 8-й строке), в 6-й строке *Прошик* вместо *Прошки*, в 7-й строке пропущено *н* в *Одриева* (если это не фонетический пропуск, ср. *ѿ Ѡдреѧ* 276), в 9-й строке пропущено *а* в *Гфанка* (вместо *Гафанка* ‘Агафона’), в 11-й строке повторено *и* в *Колотиили*, в 12-й пропущено *и* в *Цернцина*.

Примечательно, что большинство ошибок приходится на буквы *и* и *н*. Эти буквы отчасти утрачивают и взаимное визуальное противопоставление: *н* часто пишется со слабо наклоненной перемычкой (особенно в конце грамоты), а у *и*, наоборот, наклон перемычки слева направо присутствует (особенно вначале); ср. последнее *н* в 10-й строке (в слове *грна*) и второе *и* в *Осташики* в 3-й строке. С учетом этого сходства объясняется загадочное имя во 2-й строке, первоначально прочитанное нами как *оув Офидиканка.* Предполагать здесь измененный до неузнаваемости христианский антропоним нет необходимости. По убедительному предположению Д. С. Крылова[17], должника звали *Дѣканко*, а буквы *офн* представляют собой повторенное по ошибке (с пропуском второго *о*) начало предыдущего имени — ***Офон****оска.*

Перевод: ‘У Гришки Климова 3 коробьи солода и полтора золотника (серебра?). У Офоноска четыре с половиной гривны. У Деянка гривна. У Игната … У Кваса 5 коробей ржи. У Осташки 2 гривны. У Смена пол(тора золотника?) и полтина, и две с половиной гривны. У Зиновья гривна. У Онашки … 6 семниц. У Семена Михайлина две с половиной гривны и … У Прошки полтина. У Демида полтина. У Яжи две с половиной гривны … и полтина. У Максима 8 коробей ржи. У Нозарии Одреева полтина и полтора (?) золотника. У Нозарии гривна. У Игната гривна. У Нозарии семница. У … полгривны. У Гафанка полтина. У Велима полгривны … полтина. У Моря полгривны. У Дорошки гривна, полгривны … У Колотилы полгривны и полтина. У Т… У …на 4 гривны. У Вара-- Черницына пол…’.

Перед нами пространный долговой список, составлявшийся постепенно. Некоторые должники упоминаются по два и три раза. Из продуктов названы солод и рожь в коробьях, кунные ценности представлены гривнами, серебро выступает в виде полтин и золотников, мех — в виде «семниц» (семь беличьих шкурок). Из названных единиц особый интерес представляет золотник. Понимание его как меры серебряного веса, предполагаемое конъектурой *серебра* в конце 1-й строки, основано на показаниях ганзейских источников, в которых золотник в этом качестве упоминается регулярно, см. [Гиппиус 2017: 28–29][18].

[17] Личное сообщение.

[18] Ввиду этих параллелей следует отказаться от предложенной В. Л. Яниным конъектуры к берестяной грамоте № 707 (посл. треть XIII в.), основной текст которой имеет вид: *Водаи поло гривне сребра, по‹ло› цетверта з(оло)тника пе…* Янин [НГБ IX: 99] реконструирует *пе*(*рцю*),

Среди имен должников преобладают христианские, но имеется и несколько традиционных славянских имен. Одно из них носит уже упомянутый Деянко. Имя *Дѣянъ*, распространенное у южных славян, было известно и на севере Руси; см. «Дѣянъ Чепцовъ, холмогорец, 1654» [Тупиков: 141], «Ондрей Дѣяновъ сын, крестьянин, 1549» [Там же: 542], «Деян, крестьянин, 1545 г., Новгород» [Веселовский 1974: 96][19]. Об имени *Ѧжа*, ранее встреченном в грамоте № 380, см. [ДНД$_2$: 302]. *Велимъ* — гипокористика от **Velimirъ*, отразившаяся в названии *Велимичи*, упоминаемом в грамоте № 516; см. [Васильев 2012: 217].

Встретились также несколько прозвищ: *Квас*, *Море*, *Колотила*. Для второго ср. патроним помещика Якова Морева [НПК, IV: 29, 33; V: 2].

Имя последнего должника, носившего прозвище Черницын, надежно не восстанавливается.

Предлог ‘у’ последовательно пишется как *оу* перед согласными и как *оув* перед гласными.

№ 1197. Однострочная (?) запись (верх оторван, но он мог и не содержать текста).

(…) | **сьмъка къпє лоука къмєть**

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1220-х гг.

Запись, возможно, сохранившаяся целиком, содержит два личных имени в номинативе в сочетании с двумя существительными, которые синтаксически могут быть приложениями или же именными сказуемыми (с нулевой связкой). Социальный термин *къметь* на бересте встретился впервые. В славянских языках слово выступает в значениях ‘земледелец, крестьянин’ [ЭССЯ, 13: 196–198], однако в древнерусских памятниках фиксируется только в военных контекстах, причем, как правило, с положительной коннотацией, обозначая искусных воинов (ср. «сего [золота] кметье лучше» в «Повести временных лет» [Лавр., 1075, л. 66 об.]; «мои ти куряне свѣдоми кмети» в «Слове о полку Игореве», см. примеры в [СДРЯ, 4: 352; Слов. XI–XVII, 7: 194; Горский 2019: 173].

Наибольшую трудность представляет слово *къпе*. В принципе его возможно трактовать как ‹копе› (с графической заменой *о* → *ъ*); в этом случае перед нами производное от *копати — копъ*, ср. [ЭССЯ, 11: 28], функционирующее как прозвище, ср. фамилию *Копков*. Тогда грамоту можно трактовать как перечень: ‘Семка Коп, воин Лука (или Лука Воин)’. Однако другие проявления бытовой графики в грамоте отсутствуют. Записанное же в стандартной графике слово может отражать лишь праславянское **kъrъ,* восстанавливаемое на основе западнославянских языков, в которых соответствующие лексемы (ст.-чеш. *kęr*, ст.-польск. *kiep* и др.) имеют значение ‘vulva’ и используются также как ругательства (‘бесстыдник, дурак, грязнуля, бездельник, негодяй’), см. [ЭССЯ, 13: 205–206]. Судя по отражениям производного глагола **kъpiti* в укр. *кпи́ти* и блр. *кпіць* ‘насмехаться, издеваться’ [Там же], слово не было ограничено западнославянским ареалом, но было представлено и на восточнославянской территории. Если мы имеем дело с этой лексемой, то запись можно понять как утверждение, выражающее противоположную оценку двух лиц: ‘Семка — дурень, Лука — воин’. Как структурные параллели к первой части в этом случае можно рассматривать грамоту № 808 (2 пол. XII в.): *Стьпань бърьвьнъ* ‘Степане — бревно’ (в издании предпочтение отдано трактовке *Бревно* как прозвища) и глаголическую надпись *Стырѧта — баба* из церкви Благовещения на Городище [Гиппиус, Михеев 2019: 50]. Ср. также обсуждаемую в [НГБ XII: 233] возможность аналогичной интерпретации грамоты № 378 (2 пол. XIII в.): *Серицѧ — Сава, ведоуно — Лазота*.

но намного более вероятно, что имеется в виду серебряный вес: половина слитка и еще два с половиной золотника.

[19] Примеры заимствованы из работы [Галинова, Рут 2022], в которой доказывается происхождение от имени *Дѣянъ* фамилии *Деянов* и ее вариантов *Диянов* и *Дианов*.

№ 1200. Обрывок письма. Сохранилось начало адресной формулы:

[+ ѿ вꙗшь]ка ко мат…

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.
Вышко может быть тем же лицом, что и адресат № 525 (кон. XI — перв. треть XII в.).

№ 1201 (1–7). Набор из семи ярлычков с именами, написанных одним почерком. Ярлычки залегали в слое в виде стопки (вероятно, перевязанные ниткой). Образуя единый комплекс, они получают общий номер с индексами от 1 до 7[20].

1201-1: гюргьво
1201-2: гоорьгово
1201-3: дьм----
1201-4: завиже
1201-5: ольꙁ[н]о
1201-6: рома[н]-
1201-7: стєпан[є]

Стратиграфическая дата: XII в.
Внестратиграфическая оценка: 1140–1290-е гг., предпочтительно после 1190-х гг.

Все имена представлены притяжательными формами. Морфологически они могут быть как среднего, так и мужского рода (с заменами *ъ* и *ь* на *о* и *е*). Однако последовательная запись флексий через *о* и *е*, а также стандартное употребление *ь* в 1201-2 и 1201-5 говорит, скорее, в пользу среднего рода (в этом случае единственным проявлением бытовой графики оказывается *ь* в 1201-1).

Находка целой «пачки» ярлычков проливает свет на функции этой категории берестяных грамот. Весьма вероятно, что в подобные наборы входили и какие-то еще из грамот данного типа, например, № 1163, также содержащая имя в притяжательной форме: *Пътрово*. О назначении таких наборов можно строить предположения. Они могли, например, использоваться для жеребьевки при распределении земельных наделов или участков сбора дани (форма среднего рода может в этом случае подразумевать согласование с существительным *мѣсто*). Круг лиц, поименованных на ярлычках, по-видимому, включал владельцев усадеб, располагавшихся в этой части Людина конца. Предполагать это позволяет тот факт, что три из семи записанных имен — Георгий, Роман и Степан — обнаруживаются в грамоте № 545, церковном поминании, найденном на усадьбе Олисея Гречина. Весьма вероятно также, что те же Роман и Степан фигурируют и в грамоте № 1211 (см. ниже).

В лингвистическом отношении исключительный интерес представляет ярлычок 1201-2. Казалось бы, он дублирует 1201-1, так как содержит еще одну запись притяжательного *Гюрьгево*. Однако то, как написана эта словоформа, не может не удивлять: вместо *ю* мы находим фигуру, представляющую собой два *о*, соединенные косым штрихом, а вместо *е* — фиту или, точнее, знак, имеющий вид фиты, то есть представляющий собой перечеркнутое по горизонтали *о*. Оба знака читаются совершенно отчетливо, и не остается ничего другого, кроме как признать их особыми буквами, использованными писцом для точной передачи звукового облика слова. Но какого именно? Перечеркнутое *о* («псевдо-фита») в суффиксе может передавать только переднее [’о], возникшее после перехода *е* в *о* перед твердым согласным. Внешнее совпадение этого знака с фитой предполагает, что для обозначения звука [ф] писец использовал ферт, что для середины XII в. вполне нормально (фита, как мы видели, не входит и в ранние азбуки)[21].

[20] Поскольку точный порядок ярлычков в пачке неизвестен, индексы присвоены в алфавитном порядке имен.
[21] Типологическую параллель этому знаку составляет датское и норвежское *ø*.

Сложнее определить фонетическое значение первого знака, соответствующего *ю* в 1201-1. Ему можно было бы отказать в статусе самостоятельного символа, трактовав как результат исправления зеркального *ю* на обычное. Против этого говорит, однако, ярко выраженный наклон соединительного штриха, который у *ю* в это время не встречается. Объяснить этот знак позволяет наличие у канонического имени *Георгии*, помимо широко распространенного варианта *Гюрги*, также варианта с *е* в корне, представленного двумя примерами из грамот второй половины XII в.: *Гергѧ* 551, *Гергь* 545. За этими написаниями стоит, по всей вероятности, произношение [г’ор’г’], возникшее из исходного [г’еор’ьг’-] через стадию [г’оор’ьг’-], с ассимиляцией *е* следующему гласному. Обозначением этого долгого переднего [’о] как раз и может быть удвоенное *о* с косой перемычкой.

В перспективе позднейшего введения в русскую азбуку буквы *ё*, функциональным аналогом которой являются оба необычных символа, встретившиеся в комментируемой грамоте, можно сказать, что наш писец использовал сразу два варианта этой графемы: «ё-краткое» в виде перечеркнутого по горизонтали *о* и «ё-долгое» в виде удвоенного *о* с перемычкой. Перед нами еще одно яркое свидетельство того, что «проблема *ё*», по понятной причине актуальная в древнерусское время лишь для некнижной письменности, время от времени становилась предметом графической рефлексии писцов берестяных грамот, использовавших для ее решения разные средства. В найденной в предыдущем сезоне грамоте № 1167 (а также, как выяснилось, в № 252) эта задача была решена за счет использования системных возможностей бытовой графики (в роли *ё* в этих грамотах выступает ъ). В грамоте № 1201-2 она решается путем введения в алфавит специальных графем.

Первый знак, учитывая специфичность его фонетического значения в грамоте, вполне мог быть изобретением самого писца. Что же касается второго, то для него Д. С. Крылов указал параллель в надписи № 192 из Софии Киевской, палеографически датируемой второй половиной XII в. Комментируя граффито, С. А. Высоцкий [1976: 88] отметил, что буква *е* в именах, переданных им как *Петрище*, *Микулище* и *Брьчитомище*, имеет вид «овала с горизонтальной чертой посередине, немного выступающей с правой стороны». Описанное начертание отличается от представленного в нашей грамоте лишь отсутствием у горизонтальной черты выступа слева и может трактоваться как та же графема, обозначающая [’о], возникшее из *е*, и противопоставленная обычному *о*, выступающему в надписи в именах *Полище* и *Томищѳ*.

Своеобразие графической системы писца проявляется и в употреблении им буквы *ѯ*, которую он использует не в обычном для этой графемы значении [кс], но для записи последовательности [кси], равной названию буквы. Этот прием, уже отмечавшийся Зализняком в грамоте № 266 [ДНД$_2$: 604], встречается и в книжной письменности; ср. в записи Рязанской Кормчей 1284 г. (РНБ, F.п.II.1, л. 402 в): *Маѯма мѣтро^{п}лѣта* [Крысько 2025: 150]; в записи Апостола 1309–1310 гг. (ГИМ, Син.15, л. 29): *грѣ|шьнаго Маѯма.*

№ 1202. Фрагмент письма с сохранившейся адресной формулой.

поклонаниє отъ жирослава къ твьрьш- …
ю гривьною сєрєбр[а] …

Почерк тот же, что и в другом письме Жирослава (№ 1175).

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка (вместе с № 1175): 1140–1190-е гг.

Твьрьша — гипокористика от *Твердислављ*. Имя встретилось также в № 1182, а ранее — в № 671 (посл. треть XII в.). Очень возможно, что в трех грамотах упоминается одно и то же лицо.

№ 1205. Целое письмо из двух строк.

҃ л[а]цѧ и ҃ худока къ строшекъви поими свою доложєницоу и со
[то]церию вє ти ограблєна єсвь тобє скота моного

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1140–1190-е гг., предпочтительно после 1150-х гг.

Перевод: ‘От Ляща (*или*: Ляшца) и от Худка к Строшку. Ты с дочерью возьми деньги по своей долговой записи. Мы двое ограблены — тебе много денег’.

Прагматика письма сходна с той, какую мы предположили у № 1189, но в данном случае она выражена эксплицитно. Перед нами записка, посланная с возвращаемым долгом; погашая долг, авторы бросают в лицо кредитору обвинение в алчности, называя его грабителем. Обвинение касается и дочери Строшка, которая, по-видимому, принимала участие в ростовщических операциях отца. Ср. ситуацию в грамоте № 531, автор которой подверглась оскорблению из-за неосмотрительности, проявленной ее дочерью и зятем при выдаче займа.

Такая интерпретация основана на свидетельстве грамоты № 449 (XII_2), в которой слово *дълъжьница* в значении ‘долговая запись’ употреблено дважды, один раз — в контексте, близком рассматриваемому: [*И*]*з*[*ѧла еста мою*] *дълож*[*ь*]*ницоу оу Ѧрыш*[*е*]*въ* ‘Вы (двое) взяли деньги по моей долговой записи у Ярышевых’. Слово *скотъ* выступает в значении ‘деньги’.

Интересную картину представляет отражение в грамоте утраты слабых редуцированных. Позиции всех слабых еров заполнены буквами *о* и *е* (текст записан в бытовой графике), что как будто указывает на раннедревнерусское состояние. Однако написание *со тоцерию*, соответствующее раннему *съ дъцерию*, носит искусственный характер, маскируя результат утраты слабого ъ и его следствие — оглушение *д* перед *ц* и образование аффрикаты [ᵀц] с долгим затвором: [соᵀцер’ju]. Значит, в аллегровой речи писца падение редуцированных уже совершилось полностью, вместе с его последствиями. Подтверждается закономерность, состоящая в том, что в берестяных грамотах XII в. единичные отклонения от раннего состояния еров регулярно приходятся на позиции, в которых утрата слабого редуцированного вызвала ассимиляцию согласных или иные фонетические следствия [Гиппиус 2020: 25].

На фоне этой картины интерпретируется необычное имя первого автора. Его можно было бы связать с экспрессивным глаголом *лящить* ‘тащить с целью похищения’ или диалектным *лящ* ‘лещ’ [СРНГ, 17: 286]. Но более вероятным кажется видеть здесь гипокористику от широко распространенного на Руси имени *Ляхъ*. Многократно отразившееся в топонимии Новгородской земли [Васильев 2012: 234], это имя и его производное *Ляшко* трижды встретились в берестяных грамотах Троицкого раскопа: № 615 (XIII в.), № 1033 (кон. XII в.), № 999 (сер. — 2 пол. XII в.). Однако едва ли за написанием *Л*[*ѧ*]*ща* стоит произношение [л’ашка]: буква *щ* в новгородских текстах может обозначать [ш’к’] — зап.-новг. рефлекс *stj, *skj и совпавшее с ним звукосочетание, возникшее из [ш’ьк’] (что мы наблюдаем, в частности, в № 1190: *оу Микоуліцѣ*), но приписывать ей фонетическое значение [ш’к] нет оснований. Между тем носителями вост.-новг. говоров эта буква должна была произноситься как [ш’ц’], и ее вполне можно было использовать для записи формы Р. п. имени *Лѧшьць* в том виде, какой она приобрела после утраты слабого *ь*.

Строшко ‹*Стръшько*› — скорее всего, гипокористика имени *Стрыенѣгъ*, извлекаемого из патронима, встретившегося в надписи из новгородского Софийского собора: *С-жр- сѧ оженише*, *а помл- Стръенѣж*[*ь*]*н*[*ж*]. *Бъ емоу помози*[22]. В надписи в лестничной башне собора упоминается *ларь Стръшьковъ* [Медынцева 1978: 169, № 238], в котором, по-видимому, хранились некие ценности. Имеется некоторая вероятность того, что в грамоте фигурирует тот же Строшко-Стрыенег и его дочь «Стрыенежна».

Впервые в берестяной грамоте встретилась форма И. п. личного местоимения первого лица *вѣ*.

[22] https://epigraphica.ru/epigraphy/inscription/show/329.

№ 1206. Целый документ — ярлычок с именем и отчеством в именительном падеже.

воиχань {в} χотѣгостичь

Стратиграфическая дата: середина — третья четверть XII в.

Незачеркнутое *в* перед *х* — возможно, повтор первой буквы имени или след правки — замены притяжательного ‹*Воиханев-*› формой существительного.

Перевод: ‘Войхан Хотегостич’.

Форму *Войхань* можно было бы трактовать и как притяжательную, но это потребовало бы признать притяжательной и форму отчества. Однако достоверные примеры притяжательных прилагательных, омонимичных патронимам на *-ичь*, отсутствуют [ИГДРЯ, 3: 35–37]. Правильнее поэтому видеть в этой форме И. ед. ‹*Воихане*› с диалектной флексией *-е*, записанной по бытовой системе.

Имя *Воиханъ* может быть сопоставлено с названием села *Войханы* в Городокском районе Витебской области Белоруссии, формально представляющим собой плюральную форму личного имени (ср. такие новгородские топонимы, как *Миронеги* или *Неверы* [Васильев 2012: 311]). Также на территории Белоруссии, в Воложинском районе Минской области, находится д. *Войганы*. Этот вариант топонима легче поддается этимологизации: в нем можно видеть гипокористику имени *Воигостъ*, образованную от усеченной основы добавлением суффикса *-анъ*. Аналогичным образом устроено, например, имя *Нѣганъ* из грамоты № 601 (нач. XIII в.), для которого Зализняк приводит точное др.-польск. соответствие: *Niegan* [ДНД$_2$: 472; SSPNO IV, 1: 40]. С последним соотносится название села *Niechanowo* в Гнезненском повете Великопольского воеводства Польши: варьирование *g* ~ *ch* здесь совершенно такое же, как в *Войган* ~ *Войхан*. Замена *г* на *х* может объясняться влиянием гипокористик с суффиксом *-х-* и их производных со сложными формантами типа *-хъч-а*, *-хън-о*; см. [Гиппиус и др. 2017: 19–20].

№ 1207. Начало письма.

поклонание отъ воиславьа отъ многогрѣш[ь](наго)…

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1140–1250-е гг., предпочтительно до 1220-х гг.

Включение в адресную формулу самоуничижительного эпитета фиксируется в берестяных грамотах впервые. В литературной эпистолографии такое встречается в письмах духовенства, например в послании Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу конца XIII в.: «…великому князю Дмитрею отъ многогрѣшнаго черноризьца Якова» [БЛДР, 5: 386]. Предполагать, что духовным лицом был и автор грамоты, оснований нет, но адресат явно был фигурой значительной.

Примечательно оформление имени автора суффиксом *-ьц-*. В отличие от других суффиксов, образующих гипокористики, он уже в ранний период обнаруживает пейоративную семантику, см. [Буденная 2021: 28]. Сочетание его с эпитетом *многогрѣшьныи* в этом смысле очень показательно.

Имя *Воиславъ* носит первый из должников, фигурирующих в грамоте № 509 (XII$_2$), но для отождествления этих персонажей особых оснований нет: имя встречается и в более поздних берестяных грамотах № 531 (нач. XIII в.), 50 (XIV$_2$) и было, по-видимому, довольно распространено в Новгороде.

№ 1211. Целое письмо из четырех строк.

[+ ѿ] рошькѣ къ стѣпаноу : добро сътвора
крьни ми : соукъньце : роудаво и поклана-
ю въı са строви же ми боудитє вси и а
стровє χожю

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1200-х гг.

Перевод: ‘От Рошки к Степану. Пожалуйста, купи мне красно-бурое сукнецо. А я вам кланяюсь. Будьте все благополучны мне [на радость], а [сам] я благополучен’.

Содержание письма сводится к просьбе купить сукно, остальное составляет этикетная часть. *Добро сътворѧ* — обычная для берестяных писем формула вежливой просьбы, в точности соответствующая греческой формуле καλῶς ποιεῖν, известной, в частности, из папирусов Оксиринха [Мещерский 1978: 66]. Финальная фраза соединяет благопожелание адресату с сообщением о собственном благополучии, ближайшим образом напоминая латинскую формулу: *Si vales, bene est; ego valeo*[23]. Это уже не первое пересечение новгородского эпистолярного формуляра с латинским. Ср. начальное *цѣлъвъ* ‘приветствие’ в № 849 (сер. XII в.), которое, по словам А. А. Зализняка, «точно соответствует латинскому *salutem* в классической эпистолярной формуле по значению, грамматической форме и эллиптической конструкции без глагола» [ДНД$_2$: 318].

Фраза представляет интерес и в других аспектах. Для синтаксиса она дает яркий пример энклитического *ми* в функции «dativus ethicus». Ср. симметричную конструкцию с местоимением 2 лица в № 950: (*а ѧ*)*зъ ти сѧ покланѧю, по сторовоу ва есмы*[24].

Лексически интересен глагол *ходити*, имеющий здесь значение ‘пребывать в определенном состоянии’, отсутствующее у него в современном языке, но представленное в древнерусских памятниках [Срезневский, III: 1381]; ср. устойчивые сочетания в европейских языках: фр. *je vais bien*, нем. *es geht mir gut* и др. В том же значении глагол выступает и в № 765 (сер. XIII в.): *Брать, попецѧлисѧ о мне: хожю ти наго, ни мѧт*[*л*]*ѧ, ни и*‹*н*›*ого цого*[25].

В фонетическом отношении замечательно двукратное *стров-*, отличающееся от обычного для Новгорода *сторов-* и при этом идентичное др.-польск. s*trowy*, с которым др.-новг. формы неоднократно сопоставлялись. Видеть в этом совпадении лексическую изоглоссу нет оснований. Начальное *ст-* в этом слове ныне уверенно объясняется прогрессивной ассимиляцией по глухости после утраты слабого ъ [ДНД$_2$: 40–41], а примеры сходной с лехитской рефлексации *TorT в виде *ТроТ-* в настоящее время известны уже в большом количестве из памятников новгородско-псковского происхождения и северо-западных говоров (см. самую полную сводку и анализ материала в [Николаев 2023: 204–218]). Два новых примера важны уже потому, что позволяют исключить возможность случайного пропуска гласного; с другой стороны, оформление прилагательного диалектной флексией номинатива подтверждает, что мы имеем дело с явлением живой речи, а не с гиперкоррекцией по образцу церковнославянского неполногласия.

Грамота может служить хрестоматийным образцом берестяного письма, демонстрируя целый ряд языковых и формульных черт, свойственных этому жанру и ассоциируемых с ним в первую очередь. Помимо уже названного, отметим архаичный глагол *крити* ‘купить’, диминутив *соукъньце*, прилагательное *роудавыи*, а также взаимное расположение ваккернагелевских энклитик.

---

[23] На сходство с латинской формулой первым обратил мое внимание А. М. Гринев. Формула фигурирует, в частности, у Плиния Младшего, который упоминает ее как образец эпистолярного этикета древних: *Olim mihi nullas epistulas mittis. Nihil est, inquis, quod scribam. At hoc ipsum scribe, nihil esse quod scribas, vel solum illud unde incipere priores solebant: «Si vales, bene est; ego valeo».* ‘Уже давно ты не посылаешь мне писем. Ты возразишь: «Мне нечего писать». Тогда все равно напиши мне, что тебе нечего писать, или хотя бы то, с чего обычно начинали древние: «Ежели ты здоров, хорошо, а я здоров»’ (Plin. Epist. 1.11).

[24] Это соответствие делает маловероятным предположение, высказанное в [НГБ XII: 45]: «Если последняя фраза имела продолжение, то она могла значить, например, ‘Мы у вас благополучно дошли’ или ‘Мы вам благополучно товар доставили’ и т. п.». Скорее, если продолжение было, оно могло содержать пожелание благополучия адресатам.

[25] Перевод слов *хожю ти наго* в издании (‘хожу ведь голый’) не учитывает этой идиоматичности и должен быть скорректирован: ‘Ведь я наг’; ср. речь дружины Игоря: «… ѡтроци Свѣньлъжи изодѣлисѧ суть ѡружьемъ и порт(ы), а мы нази» [Лавр.: 54, л. 14 об.].

№ 1212. Целый документ, надпись на берестяной бирке.

+ роҙмѣтъ :~

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: до 1320-х гг., предпочтительно до 1280-х гг.

Грамота полностью идентична найденной в 2020 г. на раскопе Воздвиженский-7 (неподалеку от Троицкого раскопа) грамоте № 1135 и написана той же рукой. Тождество почерка не подлежит сомнению: совпадают все буквенные начертания и общий весьма изысканный стиль письма. Однако, по сравнению с № 1135, в новой грамоте буквы прочерчены менее каллиграфично (ср. особенно формы *р* и *о*), а сама бирка обработана не столь тщательно; так, отверстие для шнурка в № 1135 аккуратно вырезано, а в № 1212 просто проколото.

В комментарии к первой грамоте мы, ссылаясь на дефиницию слова *разметъ* в [Слов. XI–XVII, 21: 217] (‘раскладка податей, пошлин, повинностей среди тяглого населения выборными властями тяглой общины, а также сами платежи, распределяемые властями общины’), писали: «В данном случае слово обозначает, по-видимому, собранные платежи — скорее всего, в виде меховых шкурок, находившихся в мешке, к которому была привешена бирка» [Гиппиус 2021: 90]. Новая находка заставляет посмотреть на дело иначе. Едва ли дань, собранная в одном месте, упакованная и подписанная одним лицом, могла поступать в разные кварталы города. Скорее бирки могли быть задействованы в централизованной разверстке дани, о которой говорится в грамоте № 902 (кон. XI — XII в.): *Ѣзьскѣ роздроубили полъ пѧта десѧте гривьнъ. Да ѧзъ ти тоу сѣжоу, а Вълъчиноу си посъли моужь инъ* ‘В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я вот сижу тут, а в Волчино-то пошли другого человека’. Из грамоты № 99 (сер. XIV в.) известно название документа, фиксировавшего распределение платежей в пределах определенной территории, — *рубъ*: *Прикажзиваѥши про риби, а мни смедри не платѧ без руоба. А ни посла ѥси цоловѣка да грамотоу. А цто оу тебе недоборе стари, пришли зеребе* ‘Ты даешь распоряжение о рыбе. Смерды же не платят мне без разверстки, а ты не послал человека с грамотой. А что касается твоего старого недобора, пришли жеребьи (т. е. запись о распределении долей)’. Бирка со словом *разметъ* могла прикрепляться к связке грамот, содержавших разверстку выплаты дани с определенных податных участков. Эти участки должны были затем распределяться между новгородскими «мужами», проживавшими в том или ином городском квартале. Не исключено, что семь ярлычков, составляющих грамоту № 1201, как раз и были предназначены для осуществления этого распределения.

Заметим, что незаурядное качество почерка, которым подписаны обе бирки, хорошо согласуется с новой трактовкой: это почерк не рядового сборщика дани, отправляющего ее в Новгород откуда-то с периферии, а государственного чиновника (возможно, выходца из духовной среды), ведающего распределением фискальных полномочий.

№ 1222. Обрывок первой строки письма.

… ст҃ароств҃ѣ о҃прави …

Стратиграфическая дата: вторая четверть — середина XII в.

Несмотря на краткость, фрагмент довольно информативен. Письмо, по-видимому, было адресовано старосте и содержало просьбу «оправить», то есть справедливо рассудить, осуществить правосудие. В корпусе берестяных грамот императив *оправи* до сих пор встретился лишь в грамоте № 850 (сер. XII в.) — письме «от всей дружины», адресованном уже неоднократно упоминавшемуся Петру (Петроку). При этом в еще одной грамоте судебного содержания, адресатами которой являются Петр и Якша, Петр, по-видимому, упоминается как староста. В [Гиппиус 2009: 42–43] было высказано предположение, что, осуществляя свои судебные функции вместе с посадником Якуном Мирославичем (Якшей), Петр выступал как староста Людина конца. К такому кончанскому старосте могла быть адресована и эта грамота.

№ 1229. Целое письмо из четырех строк.

ПОКЛАНАНЄЄ ОТЪ ПЕРЬШЄКЄ КЪ НЄДАНОУ ДА БЛАГОСЛОВАТЬ А ЛЮД[Є]Є И БЪ ДА БЛАГОВИ
ОЖЄ ХОЦЬ≈
ЦИ ДРОУГА СВОЄГО НЄ ЗАБЪІТИ НА СОУДЄ ЛЄЖАЦА И МАТЬРИ МОЄИ И ОТЬЦА МОЄГО НИ
МНѢ ПАКЪІ ГРѢ≈
ШЄНЪІА СЪ ДЄТЪКАМИ СЪ БЄДЄНА{НА}МИ А НЄ ЄМЬЛЬ ОУТЄХЄ РАЗВЬ ТЬБЄ И НЪІ
КОЛИКОУ ТИ А БЄДОУ ЄМЄ≈
[ѪА] ПО СВѢ[Ь] СВОЄМЬ ОДИН ТЪІ СА МНЄ ЛИШИЛ И ОХАБИ СА НЄХОЖЕНИА ТОБЄ БЪІ НЪІНЄ
К МЬНЄ ЛИКОАНЄЄ

Стратиграфическая дата: конец XI — начало XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120–1190-е гг., предпочтительно после 1150-х гг.

Почерк нестабильный, начертания букв сильно варьируют, причем отдельные варианты нехарактерны для своего времени. Имеются многочисленные описки, значительная часть которых осталась неисправленной. В 1-й строке вместо *тѧ* написано *ѧ*, а вместо второго *тѧ* — *дѧ* (возможно, под влиянием предшествующего *да*; менее вероятно, что это *дѧ* стоит вместо *да*); в *благослови* пропущен слог *сло*. В начале 2-й строки буква *щ* — скорее всего, не следствие смешения *ш* и *щ*, а результат исправления повторенного по ошибке *ц* на *ш*. В 3-й строке *бедена{на}ми* написано с повторением слога; *ны* — вместо *ныне*, с пропуском слога. В начале 4-й строки — сложное исправление, однозначно интерпретировать которое затруднительно: возможно, автор грамоты начала *п* (пропуск слога), но исправила его на *ю* или *ла*. В слове, переданном как **свѣ[ь]**, второй *ѣ*, имеющий необычное начертание, возможно, исправлен из *с*, а *ь* — из начатого *в* (повтор первых двух букв слога *свѣ* или пропуск слога перед последующим *сво*). В последнем слове *а* исправлено из начатого *н*.

Несколько фрагментов особенно сложны для анализа ввиду возможного, но не обязательного присутствия в них описок. Последовательность *ѧ не емьль* в 3-й строке можно трактовать как ‹*ѧ не имѣла*›, с повторенным по ошибке *ь*. Трактовка ее как содержащей *л*-причастие мужского рода ‹*ѧ не имѣле*› невозможна, так как автором безусловно является женщина. Но имеется еще одна возможность, которую и отражает наша запись: *емьль* — форма мн. числа женского рода ‹*имѣлѣ*›, относящаяся к подразумеваемому подлежащему *дѣтькѣ*. В этом случае *ѧ* нужно понимать не как местоимение, а как союз *а* с йотацией, с которой он уже дважды встретился в берестяных грамотах: *ѧ ныньково* 1002 (сер. XII в.), *коливка ѡстави, ѧ рубили свои возми* 1102 (сер. XIV в.).

В 4-й строке во фрагменте *лишили* последнее *и* может стоять вместо ъ (повтор гласного двух предыдущих слогов). Однако, поскольку в местоимении *один*, с которым эта словоформа согласована, конечный ъ отсутствует, то же можно предполагать и здесь, рассматривая *и* как союз, вводящий следующую клаузу. Конечный ъ выступает в грамоте только в сокращении *бъ*, представляющем собой готовую орфограмму.

Наибольшую сложность представляет концовка грамоты. Напрашивающееся чтение ‹*тобѣ бы нынѣ къ мънѣ*› (с подразумеваемым ‘прийти’) предполагает сразу две аномалии в написании местоимения с предлогом: пропуск гласного на месте сильного редуцированного и *ь* вместо ъ в корне (форма Д. ед. *мънѣ* последовательно записывается в ранних берестяных грамотах с ъ или *о* [17 примеров]). Необходимость предполагать ошибки отпадает, однако, если трактовать *мьне* как форму родительного падежа ‹*мене*›, употребленную в значении дательного. Допускать такое использование позволяет одновременное использование словоформы *мне* в роли генитива. О возможной природе этого смешения см. ниже.

Последнее слово грамоты мы трактуем как ‹*ликованье*›, записанное с пропуском *в*. Альтернативу составляет вычленение в тексте сочетания ‹*ли къ неи*›, т. е. ‘ко мне, или к ней’. Помимо странного смысла (неожиданное появление «соперницы», совершенно не предполагаемое всем предыдущим содержанием грамоты), это решение наталкивается на следующие препятствия: оно 1) не учитывает наличия перед *н* буквы *а*, исправленной

из *н*; 2) заставляет предполагать единственную в грамоте замену ъ на *о* (в остальном ъ и *о* употребляются этимологически правильно на фоне систематического смешения *е* с ь и ѣ); 3) предполагает использование полноударного *ли*, при том что в берестяных грамотах *ли* встречается только как энклитика.

Ниже текст грамоты приводится с исправлением описок и современной пунктуацией:

Покланѧнее отъ Перьшеке къ Неданоу. Да благословѧть ‹тѧ› людее и Б(ог)ъ ‹тѧ› благо‹сло›ви, оже хоць‹ш›и дроуга своего не забыти, на соуде лежѧца, и матьри моеи, и отьца моего. Ни мнѣ пакы грѣшеныѧ съ детъками съ беде‹на›ми — ѧ не емьль оутехе развь тьбе. И ны‹нѣ›, коликоу ти ѧ бедоу еме[ѭ] по свѣ‹т›ь своемь — один ты сѧ мне лишил. И охаби сѧ нехожениѧ, тобе бы ныне к мьне — лико‹в›анее.

Перевод: ‘От Перешки к Недану. Да благословят тебя люди, и Бог тебя благослови, если собираешься не забыть своего друга, лежащего на Суде [т. е. недавно умершего], и мать мою, и отца моего. И меня грешную с бедными детками — ведь не было у них радости, кроме тебя. А теперь, когда я в такой беде нахожусь по смерти света моего, ты один меня оставил. Откажись же от неприхождения, тебе бы нынче [прийти] ко мне — было бы ликование’.

Содержание и стилистика грамоты в высшей степени неординарны. Перед нами пространное, по меркам берестяной письменности, женское письмо, посвященное не бытовым делам, а человеческим отношениям, исполненное эмоций и выражающее их образным языком, с использованием литературных клише. Это объединяет грамоту с синхронной ей грамотой № 752 — письмом молодой женщины своему невнимательному возлюбленному.

Письмо обращено к другу недавно умершего мужа Перешки, человеку, близкому для дома в целом. Открывающее его благословление сформулировано в будущем времени: оно ожидает Недана, если тот не забудет умершего друга и родителей его жены, а также саму Перешку «с бедными детками» — ведь для них, пишет Перешка, Недан был единственным утешением (возможно, имеется в виду период болезни мужа или какие-то иные тяжелые обстоятельства жизни семьи). Теперь же, когда она оказалась в такой беде после смерти мужа, один Недан отвернулся от нее, лишив своей поддержки. Перешка призывает Недана прекратить «нехождение», то есть возобновить посещение ее дома: стоит ему прийти к ней — и его встретит ликование.

Начальная формула двойного благословления опирается на литургические источники. Для первой части таковым мог послужить стих Ис. 25: 3: «Сего ради **благословят Тя людие** нищии, и гради человеков обидимых возблагословят Тя»; для второй — Пс. 44: 3: «Красен добротою паче сынов человеческих, излияся благодать во устнах твоих: сего ради **благослови тя Бог** во век». Соединив эти фрагменты (объединенные, заметим, вводящим их *сего ради*), автор грамоты изменила их грамматически, переведя из презенса и аориста в оптатив, а также поменяла порядок слов, привнеся хиазм.

Исключительно интересно сочетание *на соудѣ лежѧца*. Из контекста грамоты однозначно вытекает его образная интерпретация. Под «судом» здесь имеется в виду не Страшный суд (на который мертвые должны восстать), но суд, совершаемый над душой человека непосредственно после смерти, составляющий содержание так называемой «малой эсхатологии». К нему же отсылает оборот *ида на судъ* в датируемой тем же временем грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого (*повѣдало Говѣно ида на соудо, а попъ ѱ҃лъ*). В свое время этот оборот был интерпретирован на основе параллели из пространного Жития Мефодия, где предсмертное завещание Константина вводится словами: «Философъ на соудъ грѧдыи рече къ Меѳодию братоу своемоу» [Успенский сборник, 105 в]. Фигуральное прочтение вызвало критику А. Толочко [2008] и было дополнительно аргументировано в [НГБ XII: 274–275]. Комментируемый документ окончательно подтверждает его.

И этот оборот, возможно, имеет литературный источник. М. Бабицкая любезно указала нам на яркую параллель в «Слове Иоанна Златоуста в субботу мясопустную» из Торжественника триодного кон. XV — нач. XVI в. (РГАДА, ф. 381, № 460, л. 20–20 об.).

В тексте проводится параллель между действиями живого человека и его же, умершего и лежащего в гробу; последний обозначается причастием *лежаи*. Приведем это место с разделением на ритмико-синтаксические единицы:

Что твориши, чл҃че, — лежаи дівитсѧ,
то ты ли не стыдишисѧ — лежаи трепещеть,
то ты ли играеши — лежаи тоужить,
то ты ли бѣсоуешисѧ — лежаи смоущаетьсѧ,
то ты ли не готовишисѧ — **лежаи соуⁿ пріемлеть**.

К образной номинации автор прибегает и говоря об умершем муже как о «свете своем». Но это уже образ фольклорного происхождения, широко представленный в обрядовых причитаниях, ср., например: «Уж ты свет мой, надежинька, Мой надежинька, законный муж» [Русские плачи: 177]; из фольклора он проникает и в литературные тексты [Адрианова-Перетц 1974: 75].

Книжными образцами навеяна пара *нехожение ~ ликование*, организующая заключительную фразу грамоты. Причем если вторая лексема хорошо представлена в церковнославянской письменности, то первая в ней не засвидетельствована; похоже, что *нехожение* было специально сконструировано автором грамоты в пандан к «ликованию».

Соединение книжного и фольклорного в образном языке грамоты — лишь одно из проявлений языковой гетерогенности текста, обнаруживаемой и на других уровнях. Коррекция диалектной морфологии ограничивается отказом от окончания *-е* в номинативе (*один ты сѧ мне лишил*), не распространяясь на Р. ед. *а*-склонения, имеющий диалектное оформление (*отъ Перьшеке*, *оутехе*). Новое местоименное окончание Р. ед. жен. *-еи* в *матьри моеи* сочетается с церковнославянской флексией *-ыѧ* в *мнѣ … грѣшеныѧ*. На этом фоне следует оценивать и более индивидуальные языковые характеристики грамоты.

В сочетании *на соудѣ лежѧща* выступает единственный в берестяном корпусе пример склоняемого краткого причастия. Оформление его восточнославянским суффиксом *-ач-* вызывает вопрос: можно ли на этом основании говорить о присутствии склоняемых причастий в живом языке Новгорода конца XI в. или же перед нами черта литературной речи, «гибридная» форма, заимствующая из книжного языка сам принцип склонения причастий, но реализующая его с использованием морфемного инвентаря живой речи? В пользу второго ответа говорит то, что в летописях единичные примеры такого рода (см. их полную выборку в [Кузьмина, Немченко 1982: 356]) выступают на фоне нормативного оформления склоняемых причастий церк.-слав. суффиксами *-ущ-*/*-ащ-*; при этом согласуемые в роде и числе деепричастия, несомненно, представлявшие собой живую грамматическую категорию, регулярно выступают в вост.-слав. оформлении.

Влиянием книжного языка следует объяснять и уникальный для берестяных грамот случай атрибутивного употребления краткой формы прилагательного в косвенном падеже множественного числа: *съ детъками съ бедена{на}ми*.

Маркировано в социолингвистическом отношении и употребление глагола *имѣти*. Как отмечал А. А. Зализняк [ДНД$_2$: 252], сам этот глагол «носил оттенок книжности». В некнижном древнерусском языке, в отличие от церковнославянского, предикативная посессивность выражалась при помощи глагола *быти* [Шевелева 2024]. Примечательно, что из четырех примеров с *имѣти*, до сих пор встреченных в берестяных грамотах, два приходятся на грамоту № 752, также женское письмо.

Индивидуальной особенностью грамоты является уже упомянутая форма Р. ед. *мне*, встретившаяся в тексте дважды. А. И. Соболевский [2006: 84–85] приводит примеры данной формы из трех рукописей XII–XIII вв., две из которых [отрывок стихираря из собрания Григоровича (РГБ, ф. 87, № 47) и Паремийник (РГАДА, ф. 381, № 50)] имеют новгородское происхождение, а третья, Евангелие (РГАДА, ф. 381, № 7) — галицко-волынское; он сопоставляет ее с польским *mnie* и подобными формами в других западнославянских языках. В. Б. Крысько [2006: 577] объясняет эту форму влиянием форм Д., Тв. и М. падежей с основной *мън-*. В грамоте с Р. *мне* корреспондирует Д. *к мьне*,

за которым может стоять ‹к мене› или ‹к менѣ›. Это написание может объясняться гиперкоррекцией: вместо того чтобы заменить основу *мн-* на *мен-* в родительном падеже, автор могла произвести эту замену в дательном. Но оно может отражать и реальную форму живой речи. А. А. Шахматов [1957: 155], отмечая, что в древнепольском обычна, начиная с древнейших памятников, форма Р. *mnie*, особо оговаривает, что в Флорианской псалтири XIV в. представлена форма Д. *menie* «под влиянием формы родительного падежа». Как бы то ни было, в склонении личного местоимения 1 лица идиолект Перешки существенно отклонялся от древненовгородского и наддиалектного древнерусского стандарта. Подобные индивидуальные отклонения встречаются в берестяных грамотах. Так, в № 731 (сер. XII в.) фиксируется необычный порядок слов в сочетании *мла есмо сѧ* (с постановкой возвратной частицы после связки). Уникальный для Новгорода, он находит отдельные параллели в староукраинских грамотах и соответствует модели, в целом характерной для западно- и южнославянских языков [Энклитики, 88–89][26].

Интересно распределение союзов *и* и *ни* при однородных дополнениях *друга своего*, *матьри моеи*, *отьца моего*, *мнѣ … грѣшеныѧ*. Все они зависят от глагола с отрицанием, что предполагает использование в качестве коннектора *ни*. В реальности, однако, второй и третий члены этого ряда вводятся союзом *и*, и только последний присоединяется при помощи *ни*. Упоминание автора оказывается таким образом синтаксически противопоставлено первым трем членам, составляющим тесное единство. Аналогичным образом устроен пассаж из Хожения игумена Даниила, в котором автор, перечисляя тех, за кого он молился, находясь в Святой земле, использует *и*, добавляя к открывающим перечень князьям княгинь и княжеских детей, и *ни*, присоединяя все остальные категории поминаемых: «Въ всѣхъ си(х) мѣстѣхъ сѫ̑тхъ не забывахъ именъ кн̑ѕеи роускы(х) **и** кнѧгинъ ихъ, **и** дѣтеи ихъ, **ни** еп(с̑)кповъ, **ни** игѵменовъ, **ни** боꙗръ, **ни** дѣтеи моихъ дх̑вныхъ, **ни** всѣхъ хр(с̑)тїанъ» (ГИМ, Син. 181), цит. по [НКРЯ]. В грамоте, кроме того, после *мне* стоит усилительная частица *пакы*. Отделяя местоимение от относящегося к нему определения, она ведет себя как энклитика, занимающая второе место в клаузе (ср. [Дойкина 2019: 405] об энклитическом статусе этой частицы в полоцких грамотах). Содержательное основание для такого членения текста естественно видеть в том, что родителей Перешки, как и ее мужа, уже нет в живых и, таким образом, *не забыти* означает разное по отношению к ним и мужу Перешки, с одной стороны, и к самой Перешке и ее детям, с другой: в первом случае — ‘хранить память’, во втором — ‘не оставить вниманием’.

С риторической точки зрения примечателен период, начинающийся с недописанного *и ны‹не›*. Он представляет собой антитетическую конструкцию, состоящую из восклицательной фразы, описывающей наличную ситуацию, и констатации положения дел, противоположного ожидаемому в этой ситуации. Подобные конструкции встречаются в назидательных комментариях летописцев. Ср. в Повести временных лет (об Изяславе Ярославиче): «Колко юмѹ створиша Киꙗнѣ: самого выгнаша, а домъ е[г] разграбиша, — и не възда противу тому зла» [Ипат.: 194, л. 75, 1078]; в Новгородской 1-й летописи: «Колику богъ наведе на ны смерть тои весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погыбели, нъ скорѣиши быхомъ на зло» [НПЛ: 69]. В грамоте эта риторическая модель получает своеобразную синтаксическую реализацию: восклицание оформлено в виде придаточного предложения, помещенного внутрь главного (‘и ныне … ты один меня оставил’), при этом сказуемое придаточного выражено несогласованным причастием[27].

[26] Как заметил анонимный рецензент, для фразы *один ты сѧ мне лишил* возможен и перевод ‘ты один у меня остался’, использующий значение, которое глагол *лишатися* имеет в украинском языке [Гринченко, 2: 366]. В этом случае *мне* нужно тратовать как форму Д. п. Однако в древнерусских источниках указанное значение не представлено, а в [СРНГ, 17: 90] оно иллюстрируется лишь примером из русских говоров Буковины, где его естественно объяснять украинским влиянием.

[27] Отсутствие согласования причастия по роду в тексте этого времени находит параллель в берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого: *ѧ ѵ конѧзѧ поема отроко прижь приедю* (автор письма — женщина).

Нетривиальна в синтаксическом отношении и последняя фраза. В ее первой части носителем оптативного значения выступает *бы*, при котором не только нет связки (что является древней чертой, ср. *аже бы ти годьн‹о›* в № 752), но отсутствует и эксплицитно выраженная инфинитивная часть сказуемого. В заключительном *лико‹в›анее*, трактуемом нами как отдельная клауза, синтаксическая компрессия достигает предела за счет эллипсиса самого показателя сослагательного наклонения (подразумевается: ‘было бы ликование’).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва.
РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.
РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БЛДР, 5 — *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997.

Веселовский 1974 — Веселовский С. Б. *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.: Наука, 1974.

ГВНП$_2$ — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. 2-е изд. Т. 1: *Тексты*. Анкудинов И. Ю. (сост.). М.: Языки славянских культур, 2024.

Гринченко — Гринченко Б. Д. *Словарь украинского языка*. В 4 т. Киев: АН УССР, 1958–1959.

Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.

ЕСУМ, 5 — *Етимологічний словник української мови.* Мельничук О. С. (гол. ред.) Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006.

Ипат. — *Полное собрание русских летописей.* Т. 2. *Ипатьевская летопись*. СПб.: Типография М. Н. Александрова, 1908.

Лавр. — *Полное собрание русских летописей.* Т. 1. *Лаврентьевская летопись*. Вып. 1–3. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. Электронный ресурс: http://www.ruscorpora.ru.

НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам. СПб.: Сенатская типография, 1859–1910, 1915.

НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Русские плачи — Виноградов Г. С. (ред.). *Русские плачи* (*причитания*). Л.: Советский писатель, 1937.

СДРЯ — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв*. Т. I–. М.: Русский язык, 1988–.

Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.

Северьянов — *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в.* Северьянов С. (ред.). Петроград: Отделение русского языка и словесности Российской академии наук, 1922.

Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893–1903.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.

ССЯ, I–IV — *Словарь старославянского языка*. Репринтное издание. Т. I–IV. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006 (1 изд.: *Slovník jazyka staroslověnského*. I–IV. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958–1997).

Торопова и др. 2004 — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Антропова Я. В., Самойлов К. Г., Хохлов И. В. Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе и у д. Новое Рыдино Крестецкого района Новгородской области в 2003 г. *Новгород и Новгородская земля*, 2024, 18: 26–34.

Тупиков — Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.

Успенский сборник — *Успенский сборник XII–XIII вв*. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. (ред.). М.: Наука, 1971.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.

SPS, II — *Słownik prasłowiański*. T. II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1976.

SSPNO — *Słownik staropolskich nazw osobowych*. T. VI. Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адрианова-Перетц 1974 — Адрианова-Перетц В. П. *Древнерусская литература и фольклор*. Л.: Наука, 1974. [Adrianova-Perets V. P. *Drevnerusskaya literatura i fol'klor* [Old Russian literature and folklore]. Leningrad: Nauka, 1974.]

Анкудинов 2014 — Анкудинов И. Ю. «Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664. *Новгородский архивный вестник*, 2014, 11: 3–7. [Ankudinov I. Yu. "Vezhniki" of the Novgorod birchbark letters № 550 and 664. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*, 2014, 11: 3–7.]

Бобрик 2014 — Бобрик М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2: 191–201. [Bobrik M. A. Marginalia to birchbark letters and Old Russian epigraphy. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2: 191–201.]

Бобровский и др. 2022 — Бобровський Т. А., Нечитайло П. О., Голуб В. М., Тимчук Д. М. Знахідка давньоруської свинцевої грамоти в м. Полонному Хмельницької області, *Археологія*, 2022, 4: 60–71. [Bobrovskyi T. A., Nechitajlo P. O., Golub V. M., Tymchuk D. M. The finding of an Old Rus lead letter at Polonne in Khmelnytskyi Oblast. *Arkheologiya*, 2022, 4: 60–71.]

Буденная 2021 — Буденная Е. В. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 26–46. [Budennaya E. V. Hypocoristic forms of Old Russian Christian names. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 26–46.]

Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012.]

Высоцкий 1976 — Высоцкий С. А. *Средневековые надписи Софии Киевской*. Київ: Наукова думка, 1976. [Vysotskii S. A. *Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoi* [Medieval inscriptions at the "Sophia of Kyev"]. Kyev: Naukova dumka, 1976.]

Галинова, Рут 2022 — Галинова Н. В., Рут М. Э. Из истории фамилии Деянов/Диянов/Дианов. *Вопросы ономастики*, 2022, 3: 146–157. [Galinova N. V., Ruth M. E. From the histoty of the Russian surname of Deyanov / Diyanov / Dianov. *Voprosy Onomastiki*, 2022, 3: 146–157.]

Гизатуллина 2011 — Гизатуллина А. Р. Памятники деловой письменности Казанского края первой половины XVII в.: историко-лингвистический аспект. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 2011, 4(26): 173–177. [Gizatullina A. R. Records of practical writing of the Kazan region of the first half of the 17th century. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2011, 4(26): 173–177.]

Гимон 2015 — Guimon T. Community names in the First Novgorodian Chronicle and the territorial structure of the Novgorodian Land (1115–1272). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015, 2: 134–151.

Гиппиус 1989 — Гиппиус А. А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения. *Вопросы языкознания*, 1989, 2: 93–110. [Gippius A. A. A system of formal features in the language of Old Russian written monuments as an object of linguistic research. *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, 2: 93–110.]

Гиппиус 2005 — Гиппиус А. А. Два отчества посадника Мирошки. *Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой*. Топоров В. Н. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2005, 430–434. [Gippius A. A. Two patronims of posadnik Miroshka. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Coll. of papers on the 70th anniversary of Tatiana M. Nikolaeva.* Toporov V. N. (ed.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, 430–434.]

Гиппиус 2009 — Гиппиус А. А. Берестяное хитросплетение XII в. (грамота № 88). *Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина*. Макаров Н. А. (отв. ред.). М.: Памятники исторической мысли, 2009, 37–43. [Gippius A. A. Birchbark sennit from the 12th century (document No. 88). *Velikiy Novgorod i srednevekovaya Rus'* [Veliky Novgorod and mediaeval Rus']. *Coll. of papers on the 80th anniversary of academician Valentin L. Yanin*. Makarov N. A. (ed.). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009, 37–43.]

Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода. *Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции*. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2017, 25–36. [Gippius A. A. The birchbark letter No. 1072 and monetary and weight systems of medieval Novgorod. *Rossiiskii rubl': 700 let istorii. Proceedings of the International Numismatic Conference.* Veliky Novgorod: Novgorod State Museum, 2017, 25–36.]

Гиппиус 2020 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 22–37. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 22–37.]

Гиппиус 2021 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 66–92. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 66–92.]

Гиппиус, Михеев 2019 — Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор. *Архитектурная археология*, 2019, 1: 35–54. [Gippius A. A., Mikheev S. M. Graffiti from the Annunciation Church at Gorodische: Preliminary review. *Arkhitekturnaya arkheologiya*, 2019, 1: 35–54.]

Гиппиус, Михеев 2022 — Гиппиус А. А., Михеев С. М. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря. *Архитектурная археология*, 2022, 4: 98–111. [Gippius A. A., Mikheev S. M. Some graffiti inscriptions in the staircase tower of St. George's Cathedral of Yuriev Monastery. *Arkhitekturnaya arkheologiya*, 2022, 4: 98–111.]

Гиппиус, Сичинава 2021 — Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация. *Русский язык в научном освещении*, 2021, 2: 178–259. [Gippius A. A., Sitchinava D. V. Addenda et corrigenda for previously published birhbark letters [XIII]: A pre-publication. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 178–259.]

Гиппиус, Щеголькова 2024 — Гиппиус А. А., Щеголькова Е. Ю. Каталог надписей-граффити. *Росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря: археология и искусство*. Вдовиченко М. В., Седов Вл. В. (ред.). М.: ИА РАН, 2024. [Gippius A. A., Shchegol'kova E. Yu. Catalogue of graffiti-inscriptions. *Rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya: arkheologiya i iskusstvo*. Vdovichenko M. V., Sedov Vl. V. (eds.). Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2024.]

Гиппиус и др. 2017 — Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2017, 4: 7–24. [Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Toropova E. V. Birchbark letters from Novgorod and Staraya Russa excavations of 2016. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 4: 7–24].

Горский 2019 — Горский А. А. *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник*. М.: Гносис, 2019. [Gorskii A. A. *Russkoe srednevekovoe obshchestvo: isoriko-terminologicheskii spravochnik* [Russian medieval society: A historical and terminological handbook]. Moscow: Gnosis, 2019.]

ДНД$_1$— Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки русской культуры, 1995. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1995.]

ДНД$_2$ — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]

Дойкина 2019 — Дойкина К. Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 2019, 16(3): 400–419. [Doikina K. Yu. Some peculiarities of enclitic system in Polotsk charts. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature*, 2019, 16(3): 400–419.]

Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.).* Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.).* Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]

Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.).* Зализняк А. А., Янин В. Л. М.: Наука, 1993, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.).* Zaliznyak A. A., Yanin V. L. Moscow: Nauka, 1993, 89–219.]

Зализняк 1999 — Зализняк А. А. О древнейших кириллических абецедариях. *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию В. В. Иванова.* М.: ОГИ, 1999, 543–576. [Zaliznyak A. A. On the oldest Cyrillic abecedarian. *Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika. Coll. of papers on the 70th anniversary of Vyacheslav V. Ivanov*. Moscow: OGI, 1999, 543–576.]

Зализняк 2000 — Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.).* Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. М.: Русские словари, 2000, 134–429. [Zaliznyak A. A. Paleography of birchbark letters and their extra-stratigraphic dating. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.).* Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Moscow: Russkie slovari, 2000, 134–429.]

Зализняк 2019 — Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход *ол* > *о* в истории русского языка. *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-ле-*

тию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. Успенский Ф. Б. (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2019, 82–96. [Zaliznyak A. A. "Lukerya's effect": The *ol* > *o* transition in the history of Russian. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoevropeistika. Kul'turologiya. On the 90th anniversary of Vladimir N. Toporov*. Uspenskij F. B. (ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019, 82–96.]

ИГДРЯ, 3 — Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. *Историческая грамматика древнерусского языка.* Т. 3: *Прилагательные*. М.: Азбуковник, 2006. [Kuznetsov A. M., Iordanidi S. I., Krys'ko V. B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical grammar of Old Russian]. Vol. 3: *Prilagatel'nye* [Adjectives]. Moscow: Azbukovnik, 2006.]

Колчин и др. 1981 — Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. *Усадьба новгородского художника XII в.* М.: Наука, 1981. [Kolchin B. A., Khoroshev A. S., Yanin V. L. *Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII veka* [Homestead of a 12th-century Novgorod painter]. Moscow: Nauka, 1981.]

Крысько 2000 — Крысько В. Б. К интерпретации некоторых именных форм в берестяных грамотах. [Krys'ko V. B. On the interpretation of certain nominal forms in birchbark letters.] *Russian Linguistics*, 2000, 24(3): 231–264.

Крысько 2006 — Крысько В. Б. Комментарии. Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Т. 2: *Статьи и рецензии.* Крысько В. Б. (сост.). М.: Языки славянских культур, 2006, 565–650. [Krys'ko V. B. Commentary. Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Vol. 2: *Stat'i i retsenzii*. Krys'ko V. B. (comp.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, 565–650.]

Крысько 2020 — Крысько В. Б. *Дъвои чепи*: к истории славянских собирательных числительных. *Вопросы языкознания*, 2020, 4: 55–69. [Krys'ko V. B. *Dъvoi čepi*: On the history of Slavic collective numerals. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 4: 55–69.]

Крысько 2025 — Крысько В. Б. Выходная запись Рязанской кормчей 1284 г. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 2025, 1(99): 139–157. [Krys'ko V. B. Colophon of the Ryazan Kormchaya of 1284. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*, 2025, 1(99): 139–157.]

Кузьмина, Немченко 1982 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. Б. История причастий, *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Аванесов Р. И., Иванов В. В. М.: Наука, 1982, 280–412. [Kuz'mina I. B., Nemchenko E. B. History of participles. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Moscow: Nauka, 1982, 280–412.]

Литвина, Успенский 2021 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Партимофей Тургенев и его странное имя. *Вопросы ономастики*, 2021, 18(2): 33–53. [Litvina A. F., Uspenskij F. B. Partimofey Turgenev and the weird name of his. *Voprosy Onomastiki*, 2021, 18(2): 33–53.]

Мау, Келси 1902 — Mau A., Kelsey F. W. *Pompeii, its life and art*. New York: The Macmillan company, 1902.

Медынцева 1978 — Медынцева А. А. *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора*. М.: Наука, 1978. [Medyntseva A. A. *Drevnerusskiye nadpisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora.* [Old Russian inscriptions of the Novgorod St. Sophia Cathedral]. Moscow: Nauka, 1978.]

Мейе 1951 — Мейе А. *Общеславянский язык*. Бернштейн С. Б. (ред.). М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. [Meillet A. *Obshcheslavyanskii yazyk* [Common Slavic]. Bernstein S. B. (ed.). Moscow: Press of Foreign Literature, 2001.]

Мещерский 1978 — Мещерский Н. А. Новое об источниках Изборника 1076 г. *Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. истории, языка, литературы*, 1978, 2(1): 60–69. [Meshcherskii N. A. New data on the sources of the Izbornik of 1076. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka, literatury*, 1978, 2(1): 60–69.]

НГБ VII — Арциховский А. В., Янин В. Л. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.).* М.: Наука, 1977. [Artsikhovskii A. V., Yanin V. L. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Nauka, 1977.]

НГБ VIII — Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.).* М.: Наука, 1986. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka, 1986.]

НГБ IX — Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.).* М.: Наука, 1993. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1984–1989]. Moscow: Nauka, 1993.]

НГБ X — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. М.: Русские словари, 2000. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1990–1996)]. Moscow: Russkie slovari, 2000.]

НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.).* М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997–2000)]. Moscow: Russkie slovari, 2004.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]

Николаев 2023 — Николаев С. Л. Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков. *Славянское и балканское языкознание.* Вып. 23. *Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо*. Николаев С. Л. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2023, 179–247. [Nikolaev S. L. New data on the historical phonetics of the East Slavic languages. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie.* Iss. 23. *Balto-slavyanskaya komparativistika. Aktsentologiya. Dal'nee rodstvo yazykov. In memoriam of Vladimir A. Dybo*. Nikolaev S. L. (ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023, 179–247.]

Петрухин 2020 — Петрухин П. В. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот. [Petrukhin P. V. Reading by syllables and graphico-orthographic features of Old Russian birchbark letters.] *Slověne*, 2020, 2: 103–128.

Рождественская 1992 — Рождественская Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. [Rozhdestvenskaya T. V. *Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: Novye istochniki XI–XV vv.* [Old Russian inscriptions on church walls: New sources from the 11th–15th centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1992.]

Сичинава 2023 — Сичинава Д. В. Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот. *От сорочка к Олекше. Сб. к 60-летию А. А. Гиппиуса*. М.: ДЕЛО, 2023, 213–226. [Sitchinava D. V. A few more corrections and comments on the readings of birchbark letters. *Ot sorochka k Olekshe. Coll. of papers on the 60th anniversary of Alexey A. Gippius*. Moscow: DELO, 2023, 213–226.]

Соболевский 2006 — Соболевский А. И. *Труды по истории русского языка*. Т. 2: *Статьи и рецензии.* Крысько В. Б. (сост.). М.: Языки славянских культур, 2006. [Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the history of Russian]. Vol. 2: *Stat'i i retsenzii* [Articles and reviews]. Krys'ko V. B. (comp.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006.]

Станков 2021 — Станков Р. Глоссы в древнеболгарском переводе Хроники Георгия Амартола. *Преславска Книжовна Школа*, 2021, 21: 17–35. [Stankov R. Glosses in the Old Bulgarian translation of the Chronicle of George Hamartolos. *Preslavska Knižovna Škola*, 2021, 21: 17–35.]

Страхов 1994 — Страхов А. Б. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. V. [Strakhov A. B. Philological observations on the birchbark letters. V.] *Palaeoslavica*, 1994, 2: 205–233.

Толочко 2008 — Толочко А. П. «Правда русская» и звенигородская берестяная грамота № 2. [Tolochko A. P. "The Russian Law" and the Zvenigorod birchbark letter No. 2.] *Palaeoslavica*, 2008, 16(1): 276–278.

Трубачев 2006 — Трубачев О. Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. 2-е изд. М.: URSS, 2006. [Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic terms of kinship and some ancient terms of social structure]. 2nd edn. Moscow: URSS, 2006.]

Шахматов 1957 — Шахматов А. А. *Историческая морфология русского языка*. М.: Учпедгиз, 1957. [Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1957.]

Шевелева 2024 — Шевелева М. Н. Глаголы *имѣти — яти — имати* в ранних древнерусских памятниках в сравнении со старославянскими. *Славянское и балканское языкознание*. Вып. 24: *Палеославистика*. Ефимова В. С. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2024, 333–362. [Sheveleva M. N. The verbs *imѣti — yati — imati* in Early Old Russian documents in comparison to Old Church Slavonic. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Iss. 24: *Paleoslavistika*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2024, 333–362.]

Щипакова, Можаровская 2025 — Щипакова К. Г., Можаровская Е. С. Имя Янки Всеволодовны на фоне древнерусского антропонимикона XI–XVII вв. *Вопросы ономастики*, 2025, 1: 123–148. [Shchipakova K. G., Mozharovskaya E. S. The name of Yanka Vsevolodovna and the 11th–17th centuries Old Russian anthroponymy. *Voprosy Onomastiki*, 2024, 1: 123–148.]

Получено / received 27.05.2025 *Принято / accepted 30.06.2025*